

ВСЯ ПРАВДА, ВСЯ ЛОЖЬ

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова
Вся правда, вся ложь
Серия «Фенька –
Femme Fatale», книга 4

текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3003905

Татьяна Полякова. Вся правда, вся ложь: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-55938-1

Аннотация

Расследование – вещь непредсказуемая, никогда не знаешь, где окажешься. Вот тут и поверишь мудрецам, что каждый поступок, даже самый незначительный, – наш выбор, и он может завести бог знает куда... И зачем Фенька взялась за это дело?! Жалко ей, видите ли, стало безутешного вдовца и бабулю, потерявшую единственную внучку... А может, так она спасалась от затяжной депрессии из-за несчастной любви? Стас уехал, поставив точку в запутанных отношениях... Наверное, поэтому Фенька и согласилась на предложение Одинцова отыскать убийцу его жены. Еще один труп не заставил себя долго ждать. Но где гарантия, что убийца на этом остановится? А вот Фенька точно уже не могла остановиться. Тем более, ей вызвался помогать Берсенев. В ходе следствия их не раз выручало его умопомрачительное обаяние и сыщицкий нюх. Они доведут

расследование до конца. Это единственный способ для Феньки не думать о Стасе...

Татьяна Полякова

Вся правда, вся ложь

Я буду смотреть тебе вслед,

*Пока не погаснет свет.
На всей земле не погаснет свет,
Я буду смотреть тебе вслед.*

«Смысловые галлюцинации»

В широком белом пальто старушка выглядела до смешного крохотной. Лучи холодного зимнего солнца, казалось, просвечивают ее насквозь. Эдакий ангелок с морщинистым личиком. Она словно не шла, а скользила над землей, полы белого пальто, раздуваемые ветром, вполне могли сойти за крылья, и деревянная трость в ее руках, точно якорь, нужна была для того, чтоб удержаться на асфальте, не то старушка непременно взмыла бы в небеса, вгоняя в трепет бродячих собак и редких прохожих. В общем, божий одуванчик на аллее парка казался существом не от мира сего: легким и полупрозрачным.

Будь я в ином расположении духа, вряд ли бы обратила на нее внимание. Обычно старушек в парке хватало, встречались среди них весьма колоритные, но сегодня я хандрила и готова была глазеть на что угодно без любопытства, но с удвоенным вниманием, лишь бы унести резвым галопом от собственных дум и избавиться от созерцания своего богатого внутреннего мира. В этом смысле старушка просто находка. Ломай себе голову, кто она такая, кем была во времена своей молодости, придумывай чужую жизнь и, боже избави, не лезь в свою.

Полчаса назад я сбежала от сестрицы, выдумав на ходу сверхважное дело, о котором вслух говорить никак нельзя. Агатка, против обыкновения, допрос с пристрастием учинять не стала, и я, прихватив пальто, скоренько оказалась в парке. Не то чтобы меня влекло сюда с огромной силой, просто останься я в конторе, начала бы, чего доброго, биться головой о стену. Ни моя занудливая сестрица, ни тем более работа в ее конторе к этому желанию никакого отношения не имели, но так как оно крепло с каждой минутой, я поспешила улизнуть.

Парк находился совсем рядом с нашим офисом, я сидела на скамейке съездившись и уже начала клацать зубами. С утра было ветрено, температура упала до нуля. Не очень-то подходящее время для прогулок. Так решила не только я. Парк, против обыкновения, был почти пуст: две мамы с колясками – этим гулять положено в любую погоду, я со своей бездонной душой и старушка – вот и все посетители.

Увидев меня, бабуля вдруг замедлила шаг или, если угодно, заскользила по поверхности чуть медленнее, направляясь в мою сторону, вызвав беспокойство. Ни с одним человеком в тот момент вступать в контакт я была не склонна, а старушка, вне всякого сомнения, нацелилась на скамью, где я сидела.

«Надо сматываться», – в легкой панике решила я, но еще теплилась надежда: бабка выберет соседнюю скамью, а когда стало окончательно ясно, что интересуется моя и никакая

другая, вскакивать и убегать было уже поздно без того, чтобы это не выглядело невежливо, даже грубо, а меня учили уважать старших.

Оставалось уповать на то, что бабуля не собирается заводить разговор. Вряд ли девицы вроде меня кажутся ей подходящими собеседницами. На всякий случай я с преувеличенным вниманием стала разглядывать урну напротив, боковым зрением заметив, как старушка садится и складывает прозрачные ладошки на коленях. Голос ее оказался прозрачным, как и ладошки.

– Пожалуйста, поговорите со мной, – сказала она, а я в первый момент решила, что мне попросту почудилось, и это произнесла не моя соседка, а некто, живущий в моей черепушке, любитель особо ценных советов, в которых я остро нуждалась. Так вот, я решила, что сама бормочу под нос эту просьбу, и всерьез напугалась: если подобные глюки являются средь бела дня, выходит, дела мои из рук вон плохи. На всякий случай я повернула голову, а старушка повторила: «Пожалуйста» – и улыбнулась. Доверчиво, как младенец, открытый миру и даже не подозревающий, какие пакости его здесь ждут. Если б не эта улыбка, я бы сбежала, но, взглянув на бабулю, точно приросла к скамейке.

«Ладно, посижу пять минут и уйду», – решила я, уже подозревая, что мои намерения так намерениями и останутся. Бабуля вздохнула, отводя глаза, и немного помолчала. Я почувствовала неловкость, то ли старушка вдруг передумала и

к разговорам охладела, то ли ждала от меня ответного шага. Лихорадочно прикидывала, о чем бы заговорить, и тут она вновь произнесла:

– У меня внучка погибла. Моя маленькая девочка. Единственная. Никого на этом свете у меня не осталось.

Я испугалась, что она сейчас заплачет, но она улыбнулась шире, а ледяной ком, который при первых словах старушки возник где-то чуть выше моего пупка, начал расползаться в разные стороны, заставляя сжиматься то ли от холода, то ли от боли.

Я хотела ответить, задать вопрос, пусть самый глупый и ненужный, но так и замерла с открытым ртом, вроде бы разом забыв все слова.

– Э-э-э, – все-таки произнесла я невнятно, но бабуле и этого оказалось достаточно. Она кивнула, пошарила рукой в кармане пальто и достала фотографию. Снимок десять на пятнадцать в серебристой рамке. Красивая девушка с темными длинными волосами, глаза ее казались невероятно синими, пухлые губы чуть раздвинуты в улыбке.

– Как ее зовут? Звали... – смогла-таки я с некоторым усилием задать вопрос.

– Ира. Ирочка Томашевская, то есть по мужу Одинцова. Вы, случайно, не были знакомы?

«Может, бабка сумасшедшая?» – с надеждой подумала я и ответила:

– Нет, к сожалению.

Не убирая фотографии, бабуля кивнула:

– Просто я подумала... она работала в библиотеке, здесь неподалеку... Три года работала, пока не вышла замуж. Завтра ей бы исполнилось двадцать восемь лет.

– А-а-а что случилось? Авария?

– Нет, – покачала головой старушка. – Кто-то проник в дом, Гена был на работе, Ирочка в это время оставалась одна... Одиннадцать ножевых ран... так следователь сказал...

– Ограбление? – спросила я испуганно, зная не зная, стоит ли задавать вопросы или лучше помолчать.

– Ничего не пропало... он ей лицо изувечил, разрезал ножом... За что? – Она убрала фотографию в карман и стала разглядывать свои руки, морщинистые ладошки нервно вздрагивали, успев покраснеть от холода.

– Убийцу нашли? – задала я вопрос, так и не решив, стоит ли это делать.

– Сначала арестовали дворника... молодой парень, таджик, работал там совсем недавно. Но потом его отпустили. Нашлись какие-то родственники, наняли дорогого адвоката. Наверное, заплатили кому следует и теперь говорят, что он не виноват... Ирочка жила с мужем в Сосновке, коттеджный поселок за рекой... С соседями едва знакомы. Врагов у них не было, особых ценностей тоже... у меня квартира в тринадцатом доме, – вдруг сказала она, кивнув на новенькую многоэтажку, прямо напротив входа в парк. – Я могла бы вам показать Ирочкины фотографии, у меня их целый альбом...

если у вас есть время...

— К сожалению, мне надо быть на работе, — поспешно ответила я, но, встретившись со старушкой взглядом, неожиданно для себя добавила: — Полчаса, конечно, найдется.

— Вот и хорошо. — Старушка встала, опираясь на палку, которую все это время придерживала коленом, пристроив ее к подлокотнику скамейки. — Я вас пирогами угощу. Сегодня пекла, ждала Ирочку, она по вторникам всегда ко мне приходит... Я не сумасшедшая, — со своей невообразимой улыбкой добавила старушка. — Просто трудно поверить, что внушки больше нет...

Я поднялась, и мы пошли по аллее.

— Вас как зовут? — спросила она.

— Ефимия. Но лучше зовите Фенькой.

— А я — Ольга Валерьяновна. Имя у вас красивое. И вы сами настоящая красавица. Красивая и добрая. Так нечасто бывает. Другая на вашем месте убежала бы от надоедливой старухи, я ведь понимаю...

Она семенила рядом, и вновь мне показалось, что она не идет, а парит над землей, монотонный стук палки с резиновым наконечником отсчитывал шаги и секунды, а я взяла Ольгу Валерьяновну под локоть, словно боялась, что она и впрямь улетит, подхваченная холодным ветром. Бабуля благодарно улыбнулась и крепче прижала мою руку. Со стороны мы, должно быть, выглядели близкими родственниками на прогулке, эдакая благодатная картинка: бабушка и

внучка. Я не знала, то ли на себя злиться, то ли все-таки на бабу. Мало мне своих проблем, теперь еще и это... Помочь я ничем не могу, а время потрачу.

Я украдкой посмотрела на часы. Если через десять минут меня не будет в офисе, Агатка затянет любимую песню о моей хронической безответственности и закончит изречением, что в семье не без урода. А если узнает, как я провожу время, всерьез забеспокоится: вот уже старушек в парке подбираю. Раньше обходилась бродячими собаками. На очереди бомжи и цыганки с малолетними чадами. Взглянув на ситуацию глазами сестрицы, я готова была незамедлительно смыться, но для этого как минимум надо освободить руку, которой, как ни странно, было уютно на худеньком старческом локте.

«Агатке о моем приключении знать необязательно», — рассудила я и бодро зашагала дальше.

Ольга Валерьяновна жила на втором этаже недавно построенного дома, светлая, просторная квартира, казалось, не имела к ней никакого отношения. Все здесь было новым: от добротной входной двери благородного бордового цвета до полупрозрачных римских жалюзи на окне единственной комнаты. Даже чашки, которые незамедлительно появились на кухонном столе, вне всякого сомнения, были куплены недавно. Мебель удобная, хоть и недорогая, подошла бы скорее молодой девушке. Я вертела головой, маскируя неловкость извинительным любопытством, а Ольга Валерьяновна продолжила накрывать на стол.

– Это Ирочкина квартира, – устраиваясь напротив, сказала она. – Я сюда переехала два месяца назад. Чтобы быть поближе к внучке. Раньше мы в райцентре жили, в Голованове... Дочку я давно похоронила, рак четвертой степени... ничего уже сделать было нельзя... С мужем у нее не сложилось, развелись через четыре года, Ирочка только родилась... Уехал в Москву на заработки и там нашел себе женщину. Дочка очень переживала, вы не подумайте, он человек неплохой, алименты платил исправно и даже к Ирочке приезжал, пока в новой семье дети не родились. Наташа, так мою дочку звали, сильно его любила... Я ее уговаривала, надо свою жизнь устраивать, какое там... ничего слышать не хотела, только Олег на уме... думаю, и болезнь ее... в общем, остались мы с Ирочкой вдвоем. Когда она техникум в нашем городе закончила, решила сюда переехать. Конечно, в большом городе жизнь совсем другая, я все понимала и не препятствовала... вот только сердце кровью обливалось, как она тут одна. Зарплата небольшая, живет на квартире... Она работы никогда не боялась, подрабатывала, где только могла, еще в техникуме учась. И здесь с утра до вечера на работе... В библиотеке, потом бежит убираться в банк, ее по знакомству устроили, там платили хорошо, еще на дом работу брала, какие-то таблицы на компьютере делала, я в этом не очень разбираюсь. Приедет ко мне на выходной, отоспится и опять сюда. Мечта у меня была, купить внучке квартиру. Я тоже подрабатывала, чтобы ей помочь, и тут вдруг везенье:

познакомилась с одной женщиной. Я как раз хотела кольцо с сережками продать, что мне от мужа покойного остались, а ему от тетки. Надеялась, может, дадут за них тысяч пятьдесят, все-таки вещи старинные. А женщина эта посмотрела на них и говорит: «Ольга Валерьяновна, ваши украшения больших денег стоят. У меня, говорит, знакомый есть, он вам покупателя найдет». Не поверите, он у меня сережки с кольцом за миллион купил. Я от радости чуть с ума не сошла. Приглядели с Ирочкой квартиру в этом доме, он тогда только строился. Миллиона, конечно, не хватило, но я к тому времени нашу трехкомнатную обменяла на однушку с хорошей доплатой. Ирочка против была, но я все сделала как надо. Зачем мне три комнаты? И одной за глаза. Зато какое счастье у нас было, когда Ирочка сюда наконец переехала. Она настаивала, чтобы и я здесь жила, но я отказалась, конечно, мне очень хотелось быть рядом, но я ведь понимала: ей нужно свою жизнь устраивать, зачем же мешать, тут одна комната. В общем, я в Голованове осталась, она на выходные приезжала, а я ее ждала. Потом они с Геной познакомились. Через месяц он сделал ей предложение. Лучшего мужа не найти, опять повезло. Жизнь Гену тоже не баловала. Отца он фактически не знал, мать рано умерла. Остался он с братом, тот на десять лет моложе, надо было его на ноги ставить... Брат почти что инвалид, Гена всегда так трогательно о нем заботился. И Ирочку очень любил. А она его... Приедут ко мне, я на них смотрю и радуюсь: счастье-то какое... и поми-

рать не страшно, не одна теперь моя девочка... да вот как все повернулось. Не ей меня, а мне ее хоронить пришлось...

– Вы сказали, они жили в Сосновке? – спросила я.

– Да, – кивнула Ольга Валерьяновна, вроде бы обрадовавшись моему вопросу. – Сначала Гена квартиру снял на Садовой, там после свадьбы они и жили, пока дом в Сосновке строился. Дом просторный, думали деток завести, чтоб большая семья была. У Гены своя рекламная фирма, зарабатывает он прилично, вот и настоял, чтобы Ира с работы ушла, занималась хозяйством. Она согласилась, хотя работу оставлять было жаль. Он ведь как лучше хотел... Я вот думаю, если бы Ира работала... убили ее утром... – Ольга Валерьяновна отодвинула чашку, подперла щеку ладонью и горестно вздохнула. – У них в Сосновке можно часа два бродить и ни души не встретить. Только не подумайте, что я Гену виню... кто ж знал... Он Ирочку очень любил, пять лет прожили, а все как молодожены. Друг с друга глаз не сводили, мне казалось, когда они рядом, от них сияние исходит... Гена и ей машину купил, чтоб она могла ко мне ездить, отдыхали на курортах, куда она пожелает, туда и едут... Меня к себе жить звали, в Сосновку эту, но я опять отказалась. Зачем же молодым мешать? Но сюда переехать Ирочка меня все-таки уговорила. Мне в большом городе непривычно, но и ее тоже было жалко, ездить ко мне в райцентр далековато, да и беспокойно, на дорогах одни аварии, пока не позвонит, места себе не нахожу: как внученька доехала? Опять же надеялась,

родится ребеночек, помощь моя понадобится.

– Квартиру в Голованове вы продали?

– Продала. Да и какая мне разница, где помирать теперь, здесь или там? В Голованово я бы все равно возвращаться не стала. Могилка-то ее здесь...

– С кем-нибудь из соседей вы знакомы? – спросила я.

– Тут все больше молодежь...

Я представила, как она живет в этой квартире, которой так радовалась когда-то, и погнала эти мысли прочь. Очень хотелось сбежать. Если не в силах помочь, проще вовсе не знать о чужих бедах, особенно когда своя тоска грызет, хоть вешайся. И чего я к бабке поперлась? Лучше бы в офисе сидела, пялилась в окно и ждала нагоняй от Агатки. Все-то в моей жизни по-дурацки... Бабуля поднялась и сказала торопливо, словно угадав мои намерения:

– Я сейчас альбом принесу...

«Бежать», – решила я и даже приподнялась со стула, окинув взглядом стол с нетронутым чаем и пирогами горкой на деревянной тарелке. Бабуля меня усердно потчевала, один пирог удалось проглотить, теперь он стоял в горле, а желание биться головой о стенку лишь увеличилось. Отличная вышла прогулка... Я шагнула к двери и едва не столкнулась с Ольгой Валерьяновной, она как раз возвращалась из комнаты, прижимая к груди толстенный альбом с фотографиями. Я мысленно застонала. Не было, с моей точки зрения, занятия глупее, чем разглядывать чужие фотографии. Да и свои

тоже. Может, на самом деле в моей жизни просто отсутствовали моменты, которые я бы хотела запечатлеть навеки?

Бабуля растерянно замерла в дверях, глядя на меня, а я едва не заревела от жалости, к себе или к ней, сразу и не поймешь. В темно-синем платье с вязанным воротничком, она казалась девчонкой-школьницей, внезапно состарившейся по воле злой колдуньи. Она действительно была невероятно хрупкой, едва доставала мне до плеча. Узенькие плечи, плоская грудь. «Может, забрать ее к себе? – явилась нелепая мысль. – Не дури. Что она, брошенный щенок? Чтоб я еще раз пошла в этот парк...»

– Уходите? – спросила она потерянно.

– Нет, что вы, – словно против воли ответила я. – Просто... извините, где у вас туалет?

– Вот сюда, пожалуйста, – обрадовалась старушка.

Я вошла в туалет, скроила зверскую рожу, на которую только была способна, и потрясла руками, матерясь сквозь зубы. «Есть еще вариант, – подумала зло. – Самой к ней переехать. Черт, хоть бы Агатка позвонила...» Я нажала кнопку сливного бачка, обложила себя мысленно последними словами и открыла дверь. Бабуля за столом листала альбом. Странно, что она не плачет. Это нормально или нет? Бабка похожа на воробья, а держится героически. Я бы на ее месте спятила. А ей что мешало? Может, в самом деле спятила. И внучку ее убили не на днях, а лет десять назад, и не убили, а сбежала она со жгучим брюнетом куда-нибудь

на другой конец планеты, где вечное лето, солнце жарит и мысли о брошенной бабке не досаждают. Или вовсе не было никакой внучки...

– Пироги очень вкусные, – брякнула я, возвращаясь к столу.

– Вы кушайте, кушайте... – Она пододвинула тарелку ближе ко мне и опять вцепилась в свой альбом, он был открыт, я увидела черно-белые фотографии. Девочка-толстушка в берете, и три групповых снимка. На одном я даже в перевернутом виде узнала старушку.

«Надо прекращать все это», – с тоской решила я, и тут раздался звонок в дверь.

– Это Геночка, – вскинула голову бабуля, а я вздохнула с облегчением. Теперь я могла спокойно проститься и уйти, не чувствуя себя дезертиром, без оглядки улепетывающим с поля боя, где лежат раненые товарищи, вызывавшие о помощи. Ключ в замке повернулся, хлопнула дверь, и я услышала голос, показавшийся мне мальчишеским.

– Ольга Валерьяновна, вы дома?

– Геночка, – откликнулась она, торопливо поднимаясь из-за стола.

– Наверное, мне пора, – пробормотала я, бодро вскакивая, а в кухне между тем появился мужчина в темном полупальто. В обеих руках он держал пакеты с продуктами, увидев меня, так и застыл в дверях.

Проскользнуть мимо из-за этих самых пакетов я не мог-

ла, мы стояли и таращились друг на друга. Он с недоумением, и я, признаться, тоже. На вид ему было лет тридцать, среднего роста, узкоплечий, светлый ежик волос, и очки на кончике аккуратненького носа, эдакий ботаник. Под глазами темные круги, а выражение лица как у студента-первокурсника, очнувшегося в вытрезвителе и теперь пытавшегося понять, как вечер, начавшийся столь многообещающе, мог закончиться так плачевно: полным отсутствием воспоминаний и денег, маячившим на горизонте отчислением и вполне реальной возможностью стать вскоре защитником родины без особого к тому желания.

– Здравствуйте, – сказал Гена, первым обретя дар речи, и кивнула и сделала шаг вперед, рассчитывая, что он сообразит подвинуться, и я смогу выйти. Но он точно к полу прирос. Бабуля топталась рядом.

– Геночка, это Феня. Мы познакомились в парке...

Он чуть нахмурился и кивнул.

– Мы ведь уже встречались? – вдруг спросил он. За мгновение до этого мне казалось: он учинит бабуле разнос – не стоит тащить в дом девицу, с которой только что познакомилась в парке, и вопрос до моего сознания дошел не сразу.

– Вряд ли, – ответила я после паузы, сообразив, чего от меня ждут.

– Я уверен, что встречались. У вас ведь есть сестра? Агата. Я прав?

– Да, – согласно кивнула я, всматриваясь в его лицо.

Должно быть, память у парня куда лучше моей. Тут он взглянул на пакеты в своих руках вроде бы с удивлением, прошел в кухню и положил покупки на разделочный стол.

— Если вы из-за меня уходите... — начал нерешительно, но я успела выпорхнуть в прихожую.

— Нет-нет, что вы... мне действительно пора... — сунула ноги в сапоги и схватила пальто.

Ольга Валерьяновна суежилась рядом, вроде бы что-то собираясь сказать, и не решилась. Гена замер в дверях и наблюдал за нами, погруженный в неведомые мне мысли.

— Спасибо за чай, — пробормотала я.

— Фенечка, вы... — начала Ольга Валерьяновна, а я выпалила, злясь на себя:

— Я вам позвоню. Можно?

— Да-да, конечно, — обрадовалась бабуля, торопливо написала номер на клочке бумаги и протянула мне. Я к тому времени смогла надеть пальто, старушка сжала мою руку и сказала тихо: — Простите меня и... спасибо...

— Что вы...

«Ух», — выдохнула я, оказавшись на лестничной клетке и услышав, как за мной захлопнулась дверь. Какого хрена я телефон спросила? Теперь придется звонить... хоть один раз, для приличия, но придется. Хорошо, что свой номер не дала.

Бегом спускаясь по лестнице, я торопилась выбросить из головы одинокую старуху с ее горем, я даже попыталась со-

средоточиться на предстоящей работе, но вместо этого принялась гадать: где мы могли встречаться с очкариком Генной? Он знаком с Агаткой, скорее всего, какой-нибудь ее приятель или клиент, с которым мы виделись мельком. Он-то меня узнал сразу, странно, что я его совсем не помню...

Покинув подъезд, я взглянула на часы и закатила глаза. Сестрица назовет меня свиньей и будет права. Мало того, что обедать ей пришлось в одиночестве, тут еще дел невпро-ворот, а я болтаюсь черт знает где... «Он тогда был без очков, – вдруг явилась мысль. – Точно... и волосы у него были длинные...»

Подходя к офису, я вспомнила, где мы встречались с Геннадием. Примерно полгода назад заезжали с сестрицей поздравить с днем рождения ее приятельницу Римму Савельеву, когда-то одноклассницу, а ныне владелицу роскошного SPA-салона в центре города. Агатка в ее салоне была VIP-клиентом и сочла своим долгом, выкроив полчаса своего драгоценного времени, заскочить на торжество с букетом под мышкой и подарком в нарядной упаковке. Кстати, груда таких подарков покоилась в комнате отдыха, смежной с кабинетом сестрицы. Подарки Агатка получала регулярно: на Новый год, Восьмое марта и день рождения, но даже из любопытства никогда их не распаковывала, пребывая в уверенности, что ничего путного ей не преподнесут, и с чистой совестью их передаривала, называя это «разумной экономией». Теперь предназначались они исключительно женщинам,

после того памятного случая, когда сестрица вручила коробку с бантом парню, что много лет ремонтировал ее тачку. В коробке оказался набор для педикюра и соль для ванны. Паренек был нетерпеливым и подарок вскрыл сразу, в присутствии Агатки. Та, увидев в натруженных мужских руках веселенький флакончик с кокетливой розочкой на горлышке, слабо охнула, ее изворотливый адвокатский ум готовился выдать сногшибательную историю о том, как дура-продавщица перепутала подарки, но тут парень, издав радостное «вау», поблагодарил ее без тени иронии и даже робко приложился к сестринской щеке, пунцовой от позора, своей колючей и покрасневшей явно от удовольствия. А потом разразился путаной речью, как он ценит ее широкие взгляды, ее внимание и саму Агатку в целом. Она покинула автомастерскую в легкой задумчивости и пребывала в ней до тех пор, пока случайно не узнала, что ее приятель – золотые руки – гей. И не особо это скрывает.

Несмотря на то что история закончилась вполне благополучно, рисковать Агатка более не стала, а так как среди ее многочисленных знакомых мужчин куда больше, чем женщин, гора подарков в комнате отдыха все росла. В общем, сестрица была рада избавиться хотя бы от одного и, выбрав самый яркий бант, потащила меня к Римке, в тщетной надежде, что вдвоем нам будет куда легче избежать приглашения к столу. В хитроумии Агатки я никогда не сомневалась, но в тот вечер ссылки на срочные дела и прочее в том же ду-

хе успехом на увенчались, и мы оказались в компании сильно подвыпивших мужчин и женщин, которых набралось не меньше трех десятков. Среди них был Геннадий с женой. Теперь я смутно припоминала хохотушку-брюнетку, неловко вылившую на рубашку мужа бокал с шампанским. Он радостно ржал, обнимая женушку. Римка называла их молодоженами, если учесть, что к тому моменту они были женаты минимум четыре года, прозвищем этим они обязаны своей взаимной большой любви. А теперь хохотушка-брюнетка лежит на кладбище, а ее бабуля таскает с собой фотографию в рамочке и пристаёт к гражданам в парке.

Решив, что теперь мне ничто не мешает выбросить недавнюю встречу из головы, я придала своему лицу выражение крайней деловитости и вошла в родную контору в тщетной надежде, что сестрица занята сверх меры и на мое опоздание внимания не обратила.

Миновав пустую приемную, я оказалась в комнате, которую делила с двумя помощницами Агатки, беззаветными труженицами. Для них опоздание с обеда – дело просто невозможное. Обе тут же на меня уставились. Ирка поджала губы, демонстративно взглянув на часы, Кристина тяжело вздохнула с таким видом, точно у нее только что увели жениха, а вместе с ним последнюю надежду выйти замуж.

– Чего высматриваем, волхвы с Востока? – с ухмылкой спросила я, беспардонно пользуясь близким родством с начальством.

– Агата тебя спрашивала, – не без яда ответила Ирка. – Так что, пока время есть, придумай жалостливую историю.

Определив пальто и шарф на вешалку, я устроилась за столом, он был как раз напротив двери в кабинет Агатки. Я неоднократно пыталась перетащить его ближе к окну, но всякий раз слышала грозный окрик сестры: «Оставь стол в покое». Некоторое время я искренне считала, что сестрица подло шпионит за мной, с этой целью оставляя дверь в кабинет открытой, пока между делом не выяснилось: расстановкой мебели в конторе занимался мастер фэн-шуй, и, чтобы дела наши двигались в нужном направлении, то есть по пути законности, порядка и всеобщего процветания, мой стол должен стоять именно там, и, если сдвинуть его хоть чуть-чуть, преступность в городе возрастет, а нашими клиентами будут сплошь безденежные дебилы.

Только я устроилась за столом, как дверь кабинета открылась и появилась Вера – секретарь Агатки. В отличие от остальных, она не считала меня божьим наказанием, порочащим честное имя сестры, и даже охотно покрывала мои грешки, которые, если честно, были незначительны. Вот и сейчас, увидев меня, дверь за собой она поспешила прикрыть, но моя глазастая сестрица оказалась на высоте.

– Появилась? – радостно возопила она. – Ну вот, а вы хотели морги обзванивать.

Я сделала вид, что внезапно оглохла, придвинула папку с документами и погрузилась в их изучение.

Часа два я честно трудилась, стараясь не обращать внимания на образ бабули-одуванчика, настойчиво маячивший перед внутренним взором. В конце концов, стало ясно, избавиться от него невозможно, и меня неудержимо потянуло к сестрице. Кому как не родной душе доверить горестные думы? Агатка с мрачным видом наблюдала вторжение в святая святых, но пока помалкивала. Я устроилась в кресле напротив, застенчиво кашлянула, а она рыкнула:

– Ну?

– Вот почему мне так нравится заглянуть к тебе в свободную минутку, – сказала я. – Всегда можно рассчитывать на доброе слово и жизнерадостное приветствие.

– Перерыв с часа до двух. Но приличные люди и в обед стараются сделать что-нибудь путное. Встретиться с клиентом, к примеру...

– Так и быть, вычти из моего жалованья за час опоздания. Я ж помню, что влетаю тебе в копеечку.

– Ага. И следующие траты будут на твои похороны, – ядовито заявила сестрица. – Посмей мне еще коллектив разлагать. – Этого ей показалось мало, и она добавила: – У меня третий день изжога от твоей кислой физиономии.

– Соды развести? – заботливо предложила я.

Агатка чертыхнулась сквозь зубы и занялась бумагами, перестав обращать на меня внимание.

Приходилось признать, у нее есть повод на меня злиться, и дело вовсе не в моем опоздании, его-то сестрица уж

как-нибудь переживет. Затяжной депрессией я была обязана несчастной любви, у Агатки на любовном фронте дела обстояли не лучше, но она держалась, хотя, подозреваю, орошала по ночам подушку слезами. Моя любовь обреталась в Питере, куда и меня неудержимо тянуло, несмотря на проблески здравого смысла, который удерживал здесь. Стас уехал, поставив точку в наших донельзя запутанных отношениях. Я была уверена: он начал новую жизнь, удалив мое имя из мобильного, а светлый образ из памяти, но все ж таки теплилась во мне надежда... глупая, между прочим, раз дело было не в Стасе и даже не во мне... Слишком много всего стояло между нами: китайская стена, и хрен ее перепрыгнешь...

Большая любовь Агатки по фамилии Берсенев находилась рядышком, буквально в четырех кварталах отсюда, и довольно часто попадалась ей на глаза. Но там расклад был даже хуже, хотя как посмотреть... Я задалась вопросом: что бы чувствовала я, если б Стас вдруг оказался в нашем городе? И так увлеклась, что забыла, зачем к сестре пожаловала.

– Ты не могла бы медитировать за своим столом? – вернула она меня к действительности. – Толку от тебя и там немного, но хотя бы создавалась видимость непосильных трудов.

– Я в парке старушку встретила, – вздохнув, сказала я.

– О господи, – закатила глаза Агатка. – Ты на старушку угробила свой обед? Час от часу не легче...

– У нее внучку убили, – не обращая внимания на язвительность сестрицы, продолжила я. – Ирина Одинцова. Жи-

ли в коттеджном поселке «Сосновка». Вроде бы подозревали дворника-таджика, но потом отпустили. Ты ничего об этом не слышала?

Агатка покачала головой с таким видом, точно я вышла нагишом к оторопелым клиентам, то есть с большим сомнением в возможности моего скорого выздоровления.

– Чучело, прости господи, – пробормотала она, но тут же голос возвысила: – Ты хоть иногда по сторонам смотришь? Интуитивно догадываешься, что вокруг есть жизнь?

– Так знаешь или нет? – разозлилась я, заподозрив, что и на сей раз у сестрицы есть повод гневаться.

– Об этом убийстве почти месяц только и разговоров в городе. В новостях по телику, в газетах...

– У меня телевизор сломался, – соврала я.

– Ага... а читать ты не умеешь.

– Ну, так растолкуй, в чем там дело. Бабка считает, таджика этого кто-то отмазал.

Агатка нахмурилась, повертела в руках авторучку и сказала куда спокойней:

– Ерунда. За него ухватились потому, что других подозреваемых просто не было. А он возле дома не раз болтался, соседи видели.

– Но ведь он в убийстве вроде бы признался?

– Я деталей не знаю и знать не хочу, своей работы по горло, но очень сомневаюсь, что парня отпустили бы, будь у следствия на него хоть что-то. На ограбление не похоже, жен-

щину не изнасиловали, а вот резали с остервенением. То ли чья-то месть, то ли псих в городе объявился.

– А поточнее все-таки узнать нельзя?

– На фига? – посуровела Агатка.

– Бабку жалко.

– Согласна: бабушку жалко. Но внучку ты ей не вернешь. Убийство вышло громкое, наверняка у бати на контроле, а он, как тебе хорошо известно, злодеям спуска не дает, следаки будут носом землю рыть и авось найдут изверга. Бабке слабое, но утешение. От пустых разговоров пользы никакой, одно колебание воздуха. А теперь, будь добра, катись отсюда. Кстати, напоминаю, сегодня родительский день, мама сварит пельмени, и мы с восторгом и благодарностью дружно попросим добавки.

– Черт, – скривилась я. – А отлынить нельзя? Работы полно и все такое...

– Рискни. Но я бы не советовала.

Я поскребла затылок с разнесчастным видом.

– Грустно признаться, но я не любитель семейных праздников.

– Ага, – поддакнула Агатка. – Добро пожаловать в клуб единомышленников. Короче, иди шуршать бумагой и готовься к радостной встрече. Между прочим, ты к родителям две недели не заглядывала, великие страдания – причина серьезная, но мамуле на это начхать.

Горестно кивнув, я вернулась за свой стол. Все ж таки

сестру иметь неплохо, она не только платит мне приличное жалованье за весьма скромный труд, но и взбодрит добрым словом, когда надо. Агатка, как всегда, права: бабулю жалко, но досужие разговоры делу не помогут. Коли расследование на контроле у бати, злодей расплаты не минует, ежели будет на то воля божья. Папа у нас, кстати сказать, прокурор области, и даже враги признавали, что просто так штаны в генеральском кресле он не просиживал, закон уважал, а мужиком был совестливым. Отцом я всегда гордилась. Хотя близкое родство с ним не афишировала, в основном потому, что гордиться мною у него повода не было.

В общем, до шести часов я трудилась, теща себя надеждой, что Агатка, взяв меня на работу, не выбрасывает деньги на ветер, и старалась не думать о предстоящем ужине в родительском доме, в принципе не ожидая от него ничего хорошего. Характер у мамыли сахарным никогда не был, а мы своей «растрепанной личной жизнью», как она выражается, изрядно портили ей нервы, и мама не скупилась на взаимность.

Пятнадцать минут седьмого девчонки засобирались домой, а из кабинета показалась Агатка. Она успела переодеться в темно-бордовое платье с ниткой жемчуга и выглядела такой красавицей, что я подивилась глупости мужиков, которые неизвестно чем заняты, вместо того чтобы устилать ей путь розами и клясться в неземной любви.

– Пошли, – кивнула она и направилась к вешалке, сняла

шубу, отдавая последние распоряжения Вере. Я потрусила следом, намотала шарф на шею, прихватила пальто и с поклоном распахнула перед сестрицей входную дверь. – Надо маме цветы купить, – заметила она, не обращая внимания на мое подхалимство.

По дороге я не удержалась и вновь заговорила о старушке и ее погибшей внучке, хотя Агатка ясно дала понять, что пустыми разговорами ее беспокоить не стоит.

– Мы однажды встречались с Ириной Одинцовой.

– Как тебя угораздило? – буркнула Агатка, выезжая на проспект и высматривая цветочный магазин.

– Не меня, а нас.

– Не помню такого.

– День рождения Римки Савельевой. Ирина была среди гостей вместе с мужем. Сегодня у бабули я его встретила, он меня узнал.

– И что? Бросим все и кинемся искать убийцу? Кстати, к бабке домой ты зачем поперлась? Нет бы маму навестить...

– А я что делаю?

– Действуешь мне на нервы, вот что.

Цветы мы купили и вскоре уже поднимались по лестнице к родительской квартире. Дверь нам открыл папа.

– У нас гости, – шепнул он, посмотрел на Агатку с виноватым видом и суетливо нас расцеловал. Пока мы разувались, а папа вешал пальто и шубу в шкаф, в прихожей появилась мама. Вот уж кого злодеям стоило бояться, впро-

чем, даже те, кто не знал за собой особых грехов, маму опасались. Невысокого роста, по-девичьи стройная, она одним взглядом способна была вогнать в тоску любого здорового мужика, дав ему понять, что господь сотворил его по оплошности. О чем теперь горько сожалеет.

Обычно мама с нами не церемонилась и с ходу заводила скорбную песнь о том, как не повезло ей с детками. Но в этот раз на лице ее сияла улыбка. Преувеличенно громко она сказала:

– Девочки мои, – и заключила нас в объятия.

Заподозрив неладное, мы тревожно переглянулись с сестрицей, папа пожал плечами, чем окончательно сбил нас с толку. Друг за другом мы опасливо вошли в гостиную. На родительском диване сидела дама весом в полтора центнера, в черном бархатном платье, в ушах бриллианты чудовищных размеров. Обесцвеченные волосы разметались по плечам. Рядом с ней пристроился мужчина лет сорока, упитанный, с носом кнопочкой и тусклым взглядом. Остатки темно-русых волос зачесаны назад в безуспешной попытке скрыть лысину. Отутюженные брюки и сложенные на коленях пухлые ладошки. Этаким скромный старый холостяк, из тех, что семят по жизни, словно мышки, скрашивая серые будни сериалами да вылазкой на дачу.

– Твою мать, – буркнула Агатка сквозь зубы почти беззвучно, но я расслышала.

– Знакомьтесь, – сказала мама. – Анна Семеновна, ее сын

Олег Сергеевич, а это наша Агата. – Мама погладила сестрицу по спине и легонько подтолкнула навстречу гостям, спохватилась и добавила, ткнув пальцем в мою сторону: – Наша младшая, Ефимия.

Тон ее давал понять, что на меня обращать внимания не стоит. Бурчание Агатки теперь было вполне понятно. Сестрица до сих пор не замужем, и мамуля решила взять ее судьбу в свои руки. Вот и причина появления в доме мышастого типа. Должно быть, родительница провела ревизию всех своих знакомых, и нас ожидает черед званых ужинов. Мама занимала солидный пост в областной администрации, и дружить с ней хотели многие. К счастью для Агатки, далеко не у всех были неженатые сыновья подходящего возраста.

Еще раз взглянув на жениха, я порадовалась, что мама оставила попытки меня пристроить. Замужем я была четырежды, и выбор мой раз от разу становился все неудачнее, вот мамуля и поставила на мне крест.

– Прошу к столу, – пропела она.

Анна Семеновна с трудом поднялась с дивана, сыночек вскочил с завидной резвостью. Облик его казался смутно знакомым. Сидя за столом напротив, я довольно нахально его разглядывала, обнаружила безусловное сходство матери и сына, которое поначалу в глаза не бросалось из-за расплывчатости черт мамыши, и поняла, что не так давно видела плакаты с портретом сыночка и призывом «Голосуйте за Казабекова», которые, вне всякого сомнения, украсили наш го-

род.

Мама старательно потчевала гостей, гости восторгались ее кулинарными талантами, она, скромно потупившись, благодарила, хотя я была уверена: все блюда доставили из ближайшего ресторана. Кулинария маму никогда не интересовала.

Мышастый оказался говоруном, само собой, посадили его рядом с Агаткой, что, судя по ее лицу, вызвало у сестрицы очередной приступ изжоги. Приняв проблемы пищеварения за скромность, потенциальный жених пел соловьем, не спуская с Агатки взгляда, в котором читался явный интерес, при этом Олег Сергеевич ловко орудовал вилкой, и я решила: по-своему он даже талантлив, если способен одновременно трепаться, пялить глаза на сестрицу и брюхо набивать. Куда там Цезарю... Анна Семеновна заливисто смеялась шуточкам сына, мамуля благосклонно улыбалась, а папа ерзал, но терпел. Находясь в браке три десятка лет, он приучил себя к молчанию.

Семейный ужин всегда являлся для меня испытанием, даже если не был обременен гостями, но польза от визита к родителям, помимо исполнения дочернего долга, все-таки могла быть: при удачном стечении обстоятельств попытаюсь поговорить с отцом об интересующем меня убийстве. Завести разговор на эту тему за столом мне и в голову не пришло, мама это не приветствовала, следовало выждать время, когда мы останемся с папой наедине. Но тут на помощь мне пришла толстуха:

– Весь город болтает об этом убийстве. Одиннадцать ножевых ран, говорят, ей все лицо располосовали. – Она взглянула на отца, который даже бровью не повел, а мамуля нахмурилась.

– У нас не принято обсуждать подобные вещи, – отекала она, толстуха скорбно колыхнула тройным подбородком и затихла.

– Вам нравится ваша работа? – поспешно спросил мышастый, обращаясь к Агатке. Та мрачно кивнула и уставилась в тарелку. Мама снова нахмурилась и сама ответила на вопрос:

– Агата прекрасный специалист, преданный своему делу. Но для женщины работа не главное.

– Да-да, – просияла Анна Семеновна. – Главное – семейное счастье, любящий муж и детки. – Она взглянула на сыночка и добавила: – Хотя надежные молодые люди, способные составить счастье женщине, сейчас, к сожалению, редкость.

Мышастый скромно потупил глазки, но приосанился.

– Это точно, – поддакнула мама. – Девушкам надо проявлять осторожность. Выскочат замуж за первого встречного, а потом не знают, как от него избавиться. – Она метнула взгляд в мою сторону, а папа досадливо крикнул.

Вскоре он улизнул из-за стола под благовидным предлогом: отправился заваривать чай по фирменному рецепту. Агатка с облегчением вздохнула, сообразив: если пришла очередь чая, значит, страдать ей осталось недолго.

Я отправилась в кухню, заявив, что хочу помочь отцу. Папа успел уютно устроиться в кресле, включив телевизор, я взглянула на экран: бестолково снующие мужики охотились за мячиком. Половина футболистов была в бело-голубых футболках. В память о годах учебы в Санкт-Петербурге, тогда еще Ленинграде, папа болел за «Зенит». Чайник со щелчком отключился, а папа вздохнул, сообразив, что посмотреть футбол сегодня вряд ли удастся.

– Наши выигрывают? – спросила я.

– Еще только первый тайм заканчивается, – отозвался папа и стал заваривать чай.

– По-моему, Агатка от жениха не в восторге, – сказала я.

– Я тоже. Это мамина идея. Пусть не обращает внимания.

– Ага. – Я присела на подлокотник кресла, наблюдая за отцом, и наконец решилась: – Мы были немного знакомы с убитой девушкой, Ириной Одинцовой.

– Я не обсуждаю дома свою работу, – ответил папа.

– Может, мне к тебе на прием записаться? – спросила я без намека на иронию.

Папа отшвырнул в сторону полотенце, которым собирался прикрыть заварочный чайник, и повернулся ко мне.

– Не смей лезть не в свое дело, – тихо произнес он, но вышло все равно грозно. Это он с мамой кроткий агнец, а вообще мужик суровый, под горячую руку ему лучше не попадаться. – Мало мне расследования, которое вы затеяли в прошлый раз? Если тебе память отшибло, так я напомним: ты

едва сестры не лишилась.

– Да никуда я не лезу, – заныла я, испугавшись родительского гнева. – Просто хотела узнать... Что тут особенного?..

– Не смей, – повторил папа и даже погрозил мне пальцем. – Твоя сестра адвокат, а ты ее помощник, вот и занимайтесь своим делом.

Я бы могла возразить, что адвокатам иногда приходится проводить собственное расследование, и у Агатки это получается очень неплохо, но по здравом размышлении сочла за благо заткнуться. Собрала на поднос чашки и варенье в вазочках, папа взял чайник, сунув под мышку коробку конфет, и, сочувственно взглянув друг на друга, мы побрели в гостиную. Нас встретило веселое ржание толстухи и мышастого, мама вежливо подхихикивала, Агатка сидела с таким видом, точно обнаружила в тарелке таракана.

Чаепитие завершилось примерно через час. Гости, вспомнив, что завтра рабочий день, поднялись из-за стола. Мама провожала их до входной двери, папа тут же кинулся к телевизору узнать, с каким счетом закончился матч.

Мы с Агаткой собирали посуду, когда вошла мама и сказала:

– Если ты и впредь будешь сидеть с таким постным видом, останешься старой девой.

– Августа! – подал голос папа.

– Что – Августа? У людей дети как дети... А твои? Что одна, что вторая...

– Ко мне-то какие претензии? – возмутилась я. – Я замуж четыре раза ходила...

– И что? Какой от этого толк? До тридцати лет женщине надо родить, иначе могут возникнуть проблемы...

– У кого? – некстати очнулась Агатка от глубоких раздумий.

– У тебя, дурища! – рывкнула мама. – Согласна, жених ни к черту, пугало огородное и то краше, к тому же дурак да еще наглец... Но куда деваться твоей бедной матери? Ты-то никого не приведешь, хоть бы раз родителей порадовала.

– Мамуль, да без проблем, – влезла я, решив прийти на помощь сестрице, которой и так сегодня досталось. – Завтра подгоним целый взвод...

– Уж ты-то подгонишь, в этом я не сомневаюсь... вся городская шпана у тебя в друзьях. Могла бы и об отце подумать.

– Августа! – вновь воззвал папа и вновь безуспешно. И тут Агатка выдала:

– Меня не интересуют мужчины.

Маму шатнуло, ее левая рука легла на сердце, папа выронил пульт, меня и то пробило, я взглянула на сестру с немым вопросом в очах.

– А кто тебя интересует? – пискнула мама.

– Карьера. Мужчины и дети подождут. По крайней мере, до тридцати пяти лет. Я так решила. И больше никаких смотрин.

Мама вздохнула, но скорее с облегчением, успев убедить себя, что все могло быть хуже.

– В самом деле, Августа, – сказал папа. – Не хочу тебя критиковать, но, по-моему, ты перегибаешь палку...

– Будь у меня палка, надавала бы вам всем по башке. – Мама отправилась в свою комнату, громко хлопнув дверью, а мы с сестрицей засобирались восвояси.

– Это было жестко, – заметила я, спускаясь по лестнице. Агатка ничего не ответила, и только когда мы оказались в машине и выехали со двора, спросила:

– Скажи-ка, сестрица, что, мои дела и впрямь так плохи?

– Ты мышастого имеешь в виду?

– Почему «мышастого»? – хмыкнула Агатка.

– Похож на мыша-перекормыша.

– Прикинь, этот тип мне визитку сунул с номером мобильного на обороте и особо подчеркнул, что это его личный номер. Всерьез верил, что я ухвачусь за такое сокровище?

– Да не парься ты. Мамуля и то сказала, что он редкостный нахал. Мама людей видит насквозь. И не злись. Понять ее можно. Она мечтает о внуках.

– Вот и осчастливь родителей, принесешь хоть какую-то пользу человечеству.

– Ты старшенькая, тебе и начинать.

– Нет, мне все-таки интересно, я в самом деле произвожу впечатление засидевшейся в девках страдальницы?..

– Говорю, не парься. Ты умница-красавица, и...

– И поэтому он сбежал, – фыркнула Агатка, имея в виду Берсеньева.

– Не поэтому...

– А почему?

– Потому что дурак...

– Ага. Ладно, будем считать, что приятно провели вечер.

Агатка высадила меня у подъезда и уехала, а я, зябко ежась, смотрела ей вслед, пока машина не исчезла за углом дома. Если б я только могла рассказать сестре, почему Берсенев ее оставил... Сделало бы это ее счастливей? Сомнительно. Много бы я отдала за то, чтобы знать, кто в действительности прячется под маской завидного жениха... Об этом остается лишь гадать. Сестрица бы точно раскопала всю его подноготную... это и удерживает меня от признания: Берсенев не из тех, кто подобное позволит. Странно, что мне до сих пор шею не свернул, сам он утверждал, будто испытывает ко мне слабость. Хотя, конечно, все проще: он знает, что доказать я ничего не смогу.

Вздохнув, я вошла в подъезд и стала медленно подниматься по лестнице, подпрыгивая на каждой ступеньке. Меньше всего мне хотелось оказаться в своей квартире. На самом-то деле моей была одна комната, две принадлежали соседям. Одно время появился у меня возлюбленный, который считал, что в коммуналке мне не место, и заплатил за комнаты хозяевам за год вперед, чтоб они не вздумали квартирантов пустить или сами здесь появляться. Со Славкой мы расста-

лись, но о том, чтобы договор нарушить, соседи и слышать не хотят, так что жить мне в одиночестве как минимум до лета.

Я достала ключ из-под коврика, вставила его в замок, толкнула дверь и подумала: «Кота, что ли, завести? Было бы кому встречать меня по вечерам».

Утро выдалось солнечное, и это немного примирило меня с жизнью. Ночью выпал снег, стоя возле кухонного окна я пила кофе, наблюдая за тем, как дворник расчищает во дворе дорожки. Не так давно я тоже являлась представителем этой славной профессии. Золотое было времечко. Ни тебе сестринского пригляда, ни вороха бумаг на столе... Мысль о бумагах, которые ждали меня в офисе, заставила поторопиться. Поспешно сделав два последних глотка, я поставила чашку в мойку и заспешила к выходу.

На работу я пришла десятью минутами раньше, чем следовало, надеясь произвести впечатление. Но сюрприза не получилось: Агатка уже сидела в своем кабинете. Придется потрясать ее производительностью труда. Гаркнув «привет», я устроилась за столом и углубилась в документы.

Примерно в одиннадцать, когда я решила, что имею право выпить кофе, Вера, секретарь Агаты, заглянула к ней в кабинет и сказала:

– Агата Константиновна, там посетитель, очень просит его принять...

– Посмотри расписание...

– Он говорит, срочно.

Тут дверь из приемной распахнулась, и вошел мужчина, а я так и замерла с чашкой в руках. Передо мной стоял Геннадий Одинцов в темной меховой куртке нараспашку и с шапкой в руке, которую он нервно мял.

– Здравствуйте, Ефимия Константиновна, – сказал он. – Мне очень надо поговорить с вашей сестрой.

Агатка, наблюдавшая эту сцену, так как дверь в ее кабинет была открыта, крикнула досадливо:

– Заходите!

– Спасибо вам большое, – пробормотал Одинцов и чуть ли не бегом устремился в кабинет, но вдруг притормозил и добавил, обращаясь к Агатке: – Можно Ефимии Константиновне присутствовать при нашем разговоре?

– Как же без нее, – съязвила сестрица. – Ефимия Константиновна, будьте любезны...

Последовав за Одинцовым, я прикрыла за собой дверь.

Геннадий замер в паре метров от стола Агатки и продолжал теревить свою шапку. Неуверенная в том, что сестра его узнала, я мимикой и жестами попыталась донести до ее сознания, кто наш посетитель. Агатка зло зыркнула, а я, выступив вперед, предложила Одинцову:

– Снимайте куртку и присаживайтесь.

Он поспешно разделся, огляделся в замешательстве, положил куртку с шапкой на диван и устроился в кресле.

– Спасибо, – кивнул он. – Я понимаю, что не должен был

без звонка, и... не уверен, что вы меня помните...

– Я вас помню, – сказала сестрица, сцепив руки замком.

– Тогда вы, наверное, знаете о том, что произошло... Мою жену убили...

– Примите мои соболезнования...

– Да, спасибо. – Он затравленно посмотрел на меня, я улыбнулась, желая придать ему бодрости, и села рядом. – Простите, что отвлекаю вас от работы...

– У меня действительно мало времени, – сказала Агатка, в тот момент являясь точной копией нашей мамули. – Так что давайте сразу перейдем к делу.

– Да, да... конечно. – Одинцов провел рукой по светлому ежику волос и на минуту задумался, должно быть, подбирая слова. – Мы едва знакомы, но я все-таки очень рассчитываю на вашу помощь.

– Простите, Геннадий...

– Владимирович, – подсказал он.

– О какой помощи идет речь?

– Помогите мне найти убийцу жены, – выпалил он. Агатка поморщилась.

– Вы обращаетесь не по адресу. Здесь адвокатская контора, а не детективное агентство.

– Я понимаю, и все же... очень может быть, что адвокат мне вскоре понадобится, – невесело усмехнулся он. – Единственного подозреваемого уже выпустили. Боюсь, что теперь им стану я. В подобных делах муж всегда вызывает подозре-

ние.

– Ну, если вам понадобится адвокат, можете смело обращаться, – кивнула Агатка, а мне очень захотелось приложить ее тяжелым предметом.

– Я знаю, чем больше проходит времени, тем труднее найти убийцу. И если в первые дни никого не обнаружили, найти преступника почти невозможно. Вся надежда на то, что появятся новые факты, – торопливо заговорил он. – Время идет и... я боюсь, преступление так и останется нераскрытым. Я очень любил свою жену... очень. И мне невыносима мысль, что человек, который отнял у меня все, так и останется безнаказанным. Я небогат, но... я найду деньги... сколько скажете. Пожалуйста, помогите мне.

– Геннадий Владимирович, я вам очень сочувствую, – вполне по-человечески заговорила Агатка. – Но... повторяю еще раз: мы не сыщики и вряд ли сможем сделать то, что не смогли профессионалы.

– Для них это только одно из сотни дел, и, по большому счету, им все равно... А вы были знакомы с Ирой... видели ее, пусть всего один раз...

– Как вы вообще себе представляете...

– У вас есть необходимые связи. И вы уже не раз проводили расследование, я узнавал...

– Но не в подобном случае. Идет официальное расследование, и никто не позволит нам путаться под ногами. Простите, но я не смогу вам помочь.

Одинцов замер, растерянно глядя на нее, потом молча поднялся, взял свои вещи и ушел. Агатка тут же уткнулась в бумаги, делая вид, что меня нет в комнате. Я катала авто-ручку по столу, ей это вскоре надоело, и она буркнула:

– Изыди.

– Мы могли бы попытаться, – пожала я плечами.

– Не могли бы. И причину я объяснила вполне доходчиво.

– Скажи прямо: просто дрейфишь.

– Щас как врежу, – рывкнула Агатка, подхватив со стола раздувшуюся от бумаг папку. – У него от горя мозги закли-нило, но ты-то... – вздохнула она, отшвырнув папку в сто-рону. – Фимка, у меня три судебных разбирательства на сле-дующей неделе, а я, по-твоему, должна бегать по городу как следак-первогодок... И был бы толк...

– Бегать могу я...

– Ага. Лишь бы делом не заниматься. – Сестрица на меня уставилась, покачала головой и кивнула: – Ладно, хрен с то-бой. Разузнай, в чем там дело. И не вздумай меня от работы отрывать. Твоя идея – вот и вертись как хочешь.

– Спасибоочки, Агата Константиновна, – пропела я. – На ценный совет я могу рассчитывать?

– В свободное от основной работы время, пожалуйста. Все. Вали отсюда.

Я не заставила просить себя дважды, скоренько убралась из кабинета, вернулась за свой стол и задумалась. Прежде всего стоило поговорить с Одинцовым. Я порылась в сумке

и нашла листок с номером телефона Ольги Валерьяновны. Старушка мне обрадовалась. Я хотела просто узнать мобильный зятя, но проболтала с ней минут двадцать, не решаясь прервать разговор. Вожденный номер в конце концов получила и тут же позвонила Геннадию.

– Да, – сурово ответил он, в первое мгновение я решила, что номер набрала неправильно, уж очень не вязалась эта суровость с обликом Геннадия Владимировича.

– Простите, это Ефимия. Мы могли бы встретиться и поговорить?

Недолгая пауза, после которой Одинцов спросил с надеждой:

– Ваша сестра передумала?

– Пока вам придется довольствоваться моей помощью.

Согласны?

– Да... да... конечно... Когда мы можем встретиться?

– Если есть время, прямо сейчас. Вы где находитесь?

– На Садовой, – торопливо ответил он.

– Там есть какое-нибудь кафе поблизости?

– «Каприз».

– Через двадцать минут я подъеду.

Сунув телефон в сумку, я направилась к вешалке, девчонки, которые прислушивались к разговору, с сомнением переглянулись, Ирка, не выдержав, спросила:

– А кто за тебя работать будет?

– Те, кому с родней повезло куда меньше, – ответила я.

Снег на солнышке успел подтаять, я дважды угодила в лужу и дала себе слово завтра же отогнать машину в сервис. В частном сыске без тачки никуда. Погони, перестрелки... Права Агатка, не своим делом я собираюсь заняться. Впрочем, не в первый раз.

Я успела запрыгнуть в отходящий троллейбус, сунула руку в карман пальто в поисках мелочи. Под ногами грязная жижа, рядом тетка-кондуктор с сердитым видом наблюдала за моими попытками наскрести нужную сумму.

– На паперти, что ли, стояла? – спросила она, забирая горсть меди.

– На паперти нынче подают плохо, – пожаловалась я.

– Тебе в другом месте стоять надо, озолотишься.

«Вот чертова баба», – думала я в досаде, обозревая пейзаж за окном, на пятой по счету остановке я вышла и почти сразу заметила Одинцова. Он нарезал круги возле темно-красной «Хонды», стоявшей прямо напротив кафе с яркой вывеской «Каприз».

– Геннадий Владимирович! – крикнула я и побежала к нему через дорогу.

Он вскинул голову, махнул мне рукой и попытался улыбнуться. Через минуту я оказалась рядом с ним, и мы затоптались на месте в некотором замешательстве, точно влюбленные на первом свидании. Хотя Одинцов и улыбался, но его тревожное состояние угадывалось, а мрачные думы ни-

какая улыбка скрыть не могла. Не знаю, действительно ли его порадовал мой звонок, точнее, предложенная мною замена, впрочем, утопающий хватается за соломинку. Одинцов, с моей точки зрения, утопающим все же не был, после убийства прошло меньше месяца, у следствия есть все шансы найти убийцу, так что безнадежность, с которой говорил Одинцов, немного преждевременна. Правда, он опасался стать подозреваемым... А вдруг именно это его и беспокоит? «Нечего гадать, – одернула я себя. – Поговори с человеком и все узнаешь».

– Посидим в кафе? – произнес Геннадий Владимирович, все еще переминаясь с ноги на ногу.

– Там, наверное, будет удобнее, – ответила я с сомнением: вдруг Геннадий Владимирович экономный? За свой кофе я сама расплачусь.

– Да-да, идемте. – Он зачем-то взял меня за руку, и мы вошли в кафе.

Посетителей было немного, мы выбрали стол у окна, заказали кофе. Одинцов сбросил куртку, помог мне снять пальто, я заметила, как дрожат его руки. Он устроился напротив меня, потянулся за сигаретами, но тут же поинтересовался:

– Вы курите?

– Пытаюсь бросить. Но вы можете курить.

– Я тоже пытался бросить, – невесело усмехнулся он, закуривая. – Держался больше года. Теперь без сигарет обходиться не могу.

Он глубоко затаился и уставился в окно. Я достала блокнот и ручку, помолчала немного, готовясь к долгому разговору, и сказала:

– Геннадий Владимирович, начнем с главного вопроса: у следователя есть причина вас подозревать?

Он пожал плечами:

– Думаю, причина проста – других подозреваемых на сегодняшний день нет.

Нам принесли кофе, я сделала пару глотков, надеясь согреться, в кафе было довольно прохладно, хотя, может, мне так только казалось.

– Извините, что мне придется задавать вам вопросы, на которые вы уже не раз отвечали, но...

– Я понимаю, – кивнул он. – Спрашивайте... И, если вы не против, давайте обойдемся без отчества.

– Не против. Расскажите о том, как вы...

– Как я ее нашел? – быстро спросил он.

– Понимаю, что вспоминать об этом нелегко...

Он затушил сигарету и усмехнулся:

– Нелегко? Моя жизнь рухнула. Встаю утром и думаю: зачем? Зачем мне жить?.. – Он потер лицо и вновь отвернулся к окну, стараясь скрыть слезы. – Я готов отвечать на любые вопросы, только бы найти его... В тот день я приехал домой около двенадцати. Ездил на встречу с клиентом в торговый центр «Заречный», это совсем рядом с домом, вот я и решил домой заскочить.

– Обычно вы где обедаете?

– По-разному. Офис у меня на Чапаева, ездить на обед домой неудобно, на мосту часто пробки... Обедаю в столовой рядом с офисом, иногда вообще на это времени нет, бывает, встречаюсь с клиентами где-нибудь в кафе или по дороге перекусываю на скорую руку. Но если время есть, конечно, дома обедаю.

– Жену предупреждали о своем приезде?

Никакого подвоха в моем вопросе не было, но Одинцов мрачно усмехнулся:

– Следователя тоже интересовал этот вопрос.

– Ничего удивительного. Вопрос самый обыкновенный.

– Да? Конечно, я всегда предупреждал. Ирочка для себя редко готовила, так, какой-нибудь салатик. А если ждала меня, то обед был королевским. Оттого и не любила, когда я являлся не предупредив. Чувствовала себя нерадивой женой: муж на пороге, а накормить его нечем. Так что, если мои планы менялись, я обязательно звонил, предупреждал, что приеду, она успевала что-нибудь приготовить. Стряпать Ира любила, она вообще с огромным удовольствием занималась работой по дому, отличная хозяйка... Я никогда не являлся в дом неожиданно, и причина очень проста: мы любили друг друга и перезванивались постоянно. Если не я ей звонил, то она мне... она всегда знала, где я нахожусь, а я знал, чем она занята...

– В тот день вы тоже звонили?

– Конечно. Сначала позвонила Ира, где-то в десять, я сказал о встрече в «Заречном». Думал, что буду занят примерно до часу-двух, но генеральному директору торгового центра пришлось уехать, а его заместитель вопросами рекламы не занимался, и наша встреча... в общем, ему просто неудобно было отменять ее в последний момент, я оставил эскизы и уехал, до двух я был фактически свободен и решил домой отправиться, побыть немного с женой... Позвонил Ире, предупредил, что скоро буду.

– Точное время помните?

– Конечно. Я звонил по мобильному, звонки фиксируются. Десять пятьдесят пять.

– Что было дальше?

– Зашел в магазин «Вкусняшка», это по дороге... купил пирожные, Ира их очень любила... Возле магазина встретил бывшего клиента, мы немного поболтали. На перекрестке, ближе к церкви, сломался светофор, пробка выстроилась до областной больницы. Домой я попал примерно в двенадцать, потратив на дорогу вместо десяти минут все сорок. Из машины я звонил еще раз, в одиннадцать двадцать пять, сказал, что застрял в пробке. – Одинцов вздохнул и вновь закурил, посмотрел на свои дрожащие руки и продолжил рассказ: – Я подъехал и позвонил в дверь, но мне никто не открыл. В руках у меня была коробка с пирожными. Я позвонил еще раз... потом стал искать ключи. Обычно Ира уже ждала меня и дверь открывала прежде, чем я успевал выйти из машины.

– То, что жена не открыла дверь, вызвало беспокойство?

– Нет. Я подумал, может, телевизор работает громко, или она в туалете... да мало ли что... я вошел, в доме было очень тихо, так тихо... вот тогда я испугался, этой тишины испугался, какой-то неестественной тишины... заглянул в кухню. Иры там не было. Позвал ее несколько раз. Вошел в гостиную... А потом... потом в комнату Иры, она на первом этаже, там выход на веранду. Ире очень нравилась эта комната... – Одинцов затушил сигарету и тут же закурил новую. – Она была там, – сказал едва слышно. – Только я заметил ее не сразу. Сначала увидел кровь... на ковре, на кресле... даже на стене... я, кажется, закричал, а затем... она лежала за диваном у двери на веранду, вся в крови... лицо он ей тоже рассек. Я подбежал к ней и... отключился. А когда пришел в себя, все не мог поверить, что она мертва, пытался привести в чувство, даже в «Скорую» позвонил не сразу... совсем спятил... – Он опять потушил недокуренную сигарету и закрыл лицо руками. Воспоминания дались ему нелегко, лицо бледное, на лбу капли пота. Несколько минут мы сидели молча, он схватил чашку, сделал большой глоток, поставил ее на стол, рука дрогнула, и чашка опрокинулась. – Извините, – сказал он. – «Скорую» пришлось ждать долго, хотя, может, мне так показалось. Врач вызвала полицию, я был точно в бреду, и когда они явились, наверное, отвечал на вопросы невразумительно. Вот, собственно, и все.

– Вы хорошо знали дворника, которого подозревали в

убийстве? – спросила я.

Геннадий некоторое время смотрел с недоумением, слов-
но не понял вопрос.

– Нет, конечно. Кто обращает внимание на дворников?

– Его арестовали в тот же день?

– Кажется, да. Знаете, я до похорон был сам не свой... да и
потом... Следователь сообщил мне о его аресте. Соседи ви-
дели дворника возле нашего дома, заборов у нас нет, то есть
забор только вокруг поселка, а участки друг от друга отде-
лены живой изгородью. Дворники убирают общую террито-
рию, за своим участком я ухаживал сам. Его несколько раз
видели возле дома, но в этом не было ничего удивительно-
го, многие договариваются с дворниками частным образом,
чтобы подстричь туи или скосить траву.

– В начале ноября вряд ли это кому придет в голову.

– Да, но работа на участке всегда есть... в общем, он ча-
стенько болтался возле нашего дома, но это вовсе не каза-
лось подозрительным. И в то утро тоже, пока соседи не узна-
ли о том, что произошло... Его арестовали, но потом выпу-
стили.

– Следователь это как-то объяснил?

– Около одиннадцати часов дворник подметал парковку
на другом конце поселка, нашлись свидетели... затем вер-
нулся в дворницкую, она в одном здании с охраной, охран-
ники подтвердили, что из комнаты он не выходил до прие-
зда полиции. Убийство произошло в промежутке между мо-

им последним звонком в одиннадцать двадцать пять и двенадцатью часами, когда я вернулся. У него алиби.

– Он вроде бы признался в убийстве...

– Да, признался. Но потом заявил, что сделал это под давлением. Дверь на веранду была взломана, возле нее обнаружили следы ботинок дворника, но в доме ни его следов, ни отпечатков пальцев... Недалеко от поселка нашли его куртку, всю в крови.

– У дворника нашелся влиятельный покровитель? – осторожно спросила я.

– Я ничего об этом не знаю. Мне сказали, что у него есть алиби, вот и все.

– Но вы продолжаете считать: убийца – он?

Геннадий повертел чашку в руках, вздохнул:

– Другого подозреваемого нет.

– Зачем дворнику убивать вашу жену? Вы ведь думали над этим?

– Конечно. В доме была довольно крупная сумма: восемьдесят тысяч. Для дворника-таджика огромные деньги. Конечно, он не мог знать о них. С другой стороны, логично предположить, что в доме есть чем поживиться. Наши соседи состоятельные люди. Я, конечно, не богат, но и не беден. Вы понимаете?

– Да, понимаю. Но насколько я знаю, из дома ничего не пропало? Предположим, что дворник был напуган тем, что совершил, и сбежал, не обыскав комнаты. По-моему,

неосмотрительно вламываться в дом, зная, что там хозяйка. Или, с вашей точки зрения, он с самого начала планировал убийство?

– Я не знаю, о чем он думал. В то утро Ира должна была быть в бассейне, но, когда я позвонил, изменила свои планы. Он мог изучить ее расписание и рассчитывать, что в доме никого не будет.

– Ира часто отлучалась по делам?

– Домоседкой не была. Ездила по магазинам... бассейн, парикмахер... все, как у обычной женщины.

– Работу Ира оставила после замужества?

– Да. По образованию она библиотекарь, платят там копейки. Я не видел смысла в ее работе, она, признаться, тоже. Одно время она работала у меня, но потом мы решили... в общем, меня вполне устраивало, что она не работает, и ее тоже.

– Ольга Валерьяновна сказала, Ира была очень деятельной девушкой.

– Когда мы познакомились, работала по пятнадцать часов, сразу в трех местах, а что ей оставалось? Слава богу, я зарабатываю достаточно, чтобы моя жена ни в чем не нуждалась.

– Вы вместе пять лет, но детей у вас не было...

– Я не очень понимаю, какое это имеет отношение... – начал он, но тут же кивнул: – Хотелось немного пожить для себя. Ире в юности пришлось нелегко, да и я долгое время вкалывал как проклятый... все так хорошо складывалось... Мы

купили дом, правда, пришлось брать ссуду, которую я еще не выплатил, мы много путешествовали, в общем, с детьми мы не торопились. Нам было очень хорошо вдвоем, ничего не хотелось менять...

– Ольга Валерьяновна продала кольцо и серьги, доставшиеся ей по наследству, чтобы купить внучке квартиру. Может, были еще драгоценности, о которых кто-то знал?

– Нет. Ничего подобного. Украшения Ира не любила. Носила только обручальное кольцо.

– Вы уверены, что не было никакого наследства?

– Абсолютно. Мы выплачиваем ссуду, Ира бы непременно мне сказала... и Ольга Валерьяновна тоже.

– У меня вот еще какой вопрос, – подумав, сказала я. – Ирина ждала вас и после вашего звонка должна была находиться на кухне, готовить обед...

Одинцов нахмурился, внимательно глядя на меня, кивнул.

– Накануне у нас были гости, Ира такой ужин закатаила, в общем, хватило бы на роту солдат. Готовить необходимости не было. Она могла отдохнуть в своей комнате, ожидая меня, или заглянула туда, слышала шум, ведь входная дверь была заперта, а дверь веранды взломали, значит, убийца проник в дом через эту дверь...

– У вашей жены не было врагов? – задала я очередной вопрос.

– Врагов? – поднял он брови и усмехнулся. – Вы шутите?

Какие враги? У нас общие знакомые, все к ней прекрасно относились, да по-другому и быть не могло. Ира очень добрый, светлый человек... она умела окружить друзей ненавязчивой заботой, они прекрасно чувствовали ее отношение.

– Допустим, кто-то завидовал вам...

– И поэтому ее убили? Чушь... к тому же я затрудняюсь сказать, кто из друзей мог бы нам завидовать. Все люди состоявшиеся. Большинство куда богаче, чем я. Нет, такой мысли я не допускаю.

– А у вас как обстоят дела с врагами? Я ведь предупредила, что буду задавать вопросы, на которые вам уже не раз приходилось отвечать.

– Никаких врагов.

– Вы занимаетесь бизнесом... – не отставала я.

– Бизнес у меня весьма скромный: рекламное агентство. Не подумайте, что я жалуясь, дела идут хорошо. К тому же, если допустить, что враги все же существуют, какой смысл убивать мою жену, логичнее со мной разделиться.

Я пожала плечами.

– Предположим, это месть. Зная, как вы любите жену, убийца решил отобрать у вас самое дорогое...

– И ему это удалось, – кивнул Одинцов. – Вот только в голову никто не приходит. Кому я мог досадить до такой степени.

– И все же подумайте. Если это не ограбление, остается только одно...

– Спасибо, что не спросили: не было ли у меня или моей жены любовников? Следователь задавал этот вопрос.

– Его можно понять, – дипломатично заметила я.

– Я любил свою жену, и другие женщины меня не интересовали. С того момента, как мы познакомились, я даже в шутку никогда ни с кем не флиртовал. А уж тем более не заводил интрижек. Ира была очень порядочным, честным человеком. Не терпела лжи в отношениях и никогда бы не простила мне... Я это прекрасно знал и не стал бы рисковать, даже если бы какая-то женщина мне понравилась. Исключено. Моя семейная жизнь меня вполне устраивала, Ирочку тоже. Если бы она кого-то встретила, уверен, не стала бы лгать и притворяться, а сказала бы мне об этом. Притворство не в ее характере. Мы по-настоящему любили друг друга. Понимаете?

– Понимаю. Тем более следует хорошо подумать, кому вы могли ненароком перейти дорогу. Конкуренты, обиженный клиент...

Одинцов уставился на меня, не моргая, мне показалось, он размышляет, стоит говорить или нет. Вздохнул и отвел глаза.

– Этот заказ в торговом центре «Заречный»... Сначала они обратились в другую рекламную фирму, но их не устроила цена. Я предложил свой проект, и мы смогли договориться. Черт... получается, я наговариваю на человека.

– Мы ведь хотим найти убийцу? – спокойно произнесла

я. – Значит, должны проверить все возможные версии. Фамилия хозяина рекламного агентства?

– Миронов. Я едва с ним знаком, но он производит впечатление приличного человека, адекватного, уж точно. К тому же, если разобраться, дорогу я ему не перебежал. Это право клиента обратиться сразу в несколько фирм и выбрать ту, которая ему подходит.

– Насколько крупным был заказ?

Одинцов кашлянул, помялся, взял авторучку из моих рук и написал сумму на листе блокнота. Я тихонько присвистнула – сумма впечатляла.

– Условия сделки разглашать не принято, – сказал Одинцов виновато.

– О коммерческих тайнах я наслышана. Что ж, думаю, господин Миронов был весьма огорчен.

– Наверное. Тем более что был уверен: заказ достанется ему. Его двоюродная сестра работает ведущим экономистом в холдинге, которому принадлежит торговый центр.

– Он не угрожал вам?

– Нет. Мы с ним даже не встречались после этого. И, честно сказать, я и мысли не допускаю...

– Вам и не надо, – сказала я и улыбнулась. – Для подобных мыслей у вас теперь есть я.

– И вы всерьез думаете, что...

– Вам нужно напрячься и вспомнить, у кого еще в последнее время был повод вас недолюбливать.

Я передвинула к нему блокнот и авторучку, он взглянул растерянно, будто думал, что я его разыгрываю, но моя физиономия была предельно серьезна. Авторучку он взял и погрузился в размышления. Я сделала еще заказ, к тому моменту, когда принесенный кофе был выпит, в блокноте появилось пять фамилий.

– Вот, – сказал Одинцов, протягивая мне блокнот. – Но там речь шла о гораздо меньших суммах. Потапов, последний в списке, был недоволен тем, как мы выполнили заказ. Претензии абсолютно надуманные, он просто не хотел платить. Пришлось подавать на него в суд. Дело мы выиграли. Речь шла о сумме в двести пятьдесят тысяч.

– На мировую он, как я понимаю, не пошел?

– Нет.

– Учитывая, что ему пришлось заплатить судебные издержки... он потерял примерно полмиллиона.

– Примерно так.

– Чем не повод затаить обиду.

– Господи, Феня... ничего, что я вас так называю? – спохватился он.

– Очень вам за это признательна.

– Я хочу сказать... допустим, тот же Потапов здорово разозлился, но убийство... встретили бы меня в темном переулке и надавали по шее, это я еще худо-бедно могу понять...

– У вас-то с головой проблем нет, оттого убийство кажет-

ся вам чем-то исключительным. Далеко не все могут похвалиться здравомыслием. Встречаются люди, для которых убийство дело привычное, совесть их не мучает, хотя наказание, конечно, страшит.

– Как-то скверно я себя чувствую... наверное, все-таки не стоило...

– От вашего Потапова не убудет... если он не виноват.

– Я хочу знать, как вы собираетесь действовать?

– Начну приставать с вопросами к разным людям. Расследование на девяносто процентов как раз из этого и состоит. Есть еще погони и перестрелки, но, я надеюсь, это не наш случай.

– Вы шутите? – нахмурился он.

– Извините. Есть такая скверная привычка... Следовательно о людях в этом списке рассказали?

– Нет, – покачал он головой. – Удивляюсь, как я вам вдруг все это выложил. У вас, знаете ли, талант...

– Не уверена. Большая просьба, будьте со мной откровенны и не мучайтесь сомнениями, просто расскажите о любых подозрениях, если они вдруг возникнут.

– Я понял... да, хорошо.

– У Иры была близкая подруга? – повертев в руке блокнот, спросила я.

– Людмила Петренко, они вместе работали в библиотеке, но год назад она вышла замуж за военного и теперь живет в Томске. У нас много друзей, со всеми Ира прекрасно ла-

дила...

– Я правильно поняла: ее подруги – это в основном жены или приятельницы ваших друзей?

– Да, именно так. Дефицита общения она не испытывала, если вы об этом, но Людмилу вспоминала часто, ей ее не хватало... Надеюсь, никого из наших друзей вы не подозреваете?

– Я далека от подозрений, просто пытаюсь кое-что уяснить для себя. Ира приехала из районного города, где еще недавно жила ее бабушка... Она часто ее навещала?

– Обычно ездила к ней во вторник. А в выходные мы навещали Ольгу Валерьяновну вместе. Если не отправлялись куда-нибудь еще. Наша бабуля долго не хотела переезжать сюда. Квартиру мы сдавали, а она, конечно, знала, что мы не расплатились за дом и деньги у нас нелишние. Еле-еле уговорили переехать. Теперь я об этом жалею. В родном городе ей, наверное, было бы легче. Разумеется, я стараюсь ее поддерживать, заезжаю каждый день...

– В Голованове у Иры остались подруги?

– Насколько я знаю, только одна. Вера Семенова. Она была свидетельницей на нашей свадьбе.

– Она, а не Люда, которая сейчас в Томске? Выходит, они с Верой были очень близки?

– В юности, наверное, да. Но в последнее время вряд ли виделись часто. Вера была у нас от силы раз пять в этом году. Летом мы ездили к ней на дачу: я, Ира и мой брат. Воз-

можно, навещая бабушку, жена к ней заглядывала. Кажется, у Веры не все ладилось в личной жизни, с работой тоже были какие-то проблемы... Ира рассказывала, но я не особо внимал...

– Ну, вот, а вы говорили, завидовать некому вашему счастью... – усмехнулась я. – Она была на похоронах?

– Да, конечно. Ольга Валерьяновна ей позвонила...

– Она расспрашивала вас об убийстве?

– Не помню. Я вообще мало что помню из событий этого дня. Вроде бы вечером она к себе уехала. На девятый день приезжала, но только на кладбище. Ольга Валерьяновна всех собирала у себя, Веры точно не было.

– После этого она звонила, интересовалась результатами следствия?

– Мне не звонила. Возможно, Ольге Валерьяновне.

Мы немного помолчали, я видела, разговор Одинцова утомил, а еще в нем чувствовалось беспокойство, наверное, все еще переживал из-за фамилий в моем блокноте.

– Что ж, не буду больше мучить вас вопросами, по крайней мере, сегодня, – сказала я. – Вы сейчас живете в Сосновке?

– Нет, – резко ответил он. – Вряд ли я вообще когда-нибудь смогу там жить... Придется дом продавать, хотя за реальную цену его не продашь. Но деньги меня не интересуют, лишь бы их хватило расплатиться с банком. Ненавижу этот дом, – выдохнул Одинцов, в глазах его стояли слезы, он то-

ропливо смахнул их ладонью. — Извините... сейчас я живу у брата, наверное, позже сниму квартиру...

— Мне бы хотелось взглянуть на дом.

Он потянулся к куртке, достал из кармана ключи и отдал мне.

— Вам придется сделать это без меня, — сказал твердо. — Вот адрес. — Он нацарапал адрес в блокноте, окинув быстрым взглядом мои записи. Там ничегошеньки не было, кроме фамилий и двух грустных смайликов. Должно быть, это его разочаровало. Надеюсь, он не рассчитывал, что я найду убийцу уже к вечеру?

В возможности сделать для него что-то путное я в тот момент здорово сомневалась, хоть и не спешила признаться в этом. Особых талантов к сыскному делу я за собой не знала, а тут и вовсе зацепиться не за что. Бизнесмен Потапов убил чужую жену, лишившись полумиллиона рублей? Чего на свете не бывает, но как-то сомнительно. Сумма, которую Миронов мог получить, выполнив заказ в торговом центре «Заречный», куда внушительней, но если бизнесмены начнут резать друг друга по любому поводу, вести какие-либо дела будет попросту невозможно.

Я убрала блокнот и ключ в сумку, Одинцов воспринял это как сигнал к окончанию разговора и поспешно сказал:

— Мы не обсудили ваш гонорар.

— Для начала мне нужно убедиться, что я способна помочь...

– Но вы тратите свое время...

– Если оно не будет потрачено впустую, вы его оплатите.

– Но ведь вы... вы постараетесь? – Как видно, Одинцов относился к породе людей, искренне считавших, что стараться можно только за деньги. Он вдруг смутился и добавил: – Извините, я просто... я...

– Я буду очень стараться.

Он подозвал официантку, расплатился за кофе, оставив щедрые чаевые, встал и подал мне пальто.

– Куда вас отвезти? – спросил, когда мы вышли на улицу.

– Спасибо. Я немного пройду.

– Вы мне позвоните? – помявшись, сказал он.

– Конечно, – кивнула я и побрела по улице. На углу оглянулась: Одинцов стоял возле своей машины и смотрел мне вслед. Очень может быть, уже сожалея, что со мной связался: помощи от меня с гулькин нос, а душу я ему своими вопросами растревожу. Кстати, правильно подозревает. Вот если бы за дело взялась сестрица... Может, она проявит человеколюбие и придет мне на помощь? А потом достанет нравоучениями и нытьем, что я ее от важных дел отрываю. Нет уж, как-нибудь без нее обойдусь.

Опять пошел снег, падал пушистыми хлопьями, которые таяли под ногами. Я вскинула голову, почувствовала влагу на своем лице, слизывала снежинки с губ... Интересно, в Питере сейчас тоже снег? Питер не Сочи, почему бы не быть снегу? Сесть на поезд... стоп. Вот уж чего не следует делать,

так это увлекаться подобными мыслями. Все равно никуда не поедешь... Стас принял решение, и он прав. Ничего уже не поправить, не изменить. У него оказалось куда больше мужества признать это. А я вопреки всякой логике до сих пор на что-то надеюсь.

Тут я сообразила, что стою в луже, покрытой снегом, топая ногами, разбрызгивая холодную жижу под недоуменными взглядами прохожих. Запросто могут принять за чокнутую. Хватит соплей, думай о деле. Я зашагала быстрее, сосредоточившись на недавнем разговоре. Человек верит, что ты способна помочь, ну так хотя бы попытайся. Все-таки это глупость, неужто он всерьез думает, что мы, то есть в данном случае я смогу найти убийцу, которого следы до сих пор не нашли?

Граждане наши в массе своей не расположены особо доверять правоохранительным органам, вот и хватаются за соломинку, как тот же Одинцов: встретил меня в квартире Ольги Валерьяновны и, вспомнив, что моя сестра адвокат, поспешил к нам. Небось еще себя уверил, будто наша встреча произошла не просто так, а по божьему промыслу, и есть в ней некий смысл и указания на дальнейшие действия. Попробуй после этого вежливо послать его к черту. Неизвестно, как бы я поступила на месте Одинцова и к кому бы побежала... Парень просто раздавлен горем, это видно... У дворника алиби... Зацепок никаких, пять фамилий в блокноте – вот и все.

Проверить бизнесменов, конечно, надо, но я была почти

уверена – потрачу время впустую. Убийство совершено с особой жестокостью, одиннадцать ножевых ран, располосованное лицо... Похоже это на месть конкурентов? Черт знает этих бизнесменов... хотя среди моих знакомых воротил бизнеса психов не наблюдается. Не считая Берсеньева, но и тот вовсе не псих, а изворотливый и хладнокровный сукин сын. Кстати, интересно, что бы он сказал по поводу этого убийства? Ищи бабло – вот что. С его точки зрения, люди убивают себе подобных по трем причинам: первая, и самая распространенная, – деньги. Две другие он не называл, с глумливым видом заявив: «Надо подумать». Берсеньева, слава богу, нет рядом, а вот точку зрения следствия не худо бы выяснить. Должна ведь она у них быть. Соваться к отцу бесполезно, значит, пойдем иным путем.

Само собой, первым на ум пришел бывший муж, ныне счастливый семьянин и глава следственного комитета нашего города. Разговоры о своей работе он терпеть не может, зато ко мне испытывает необъяснимую симпатию. Тем более удивительную, что ничего особенно хорошего из нашей недолгой совместной жизни вспомнить не удалось. Хотя все познается в сравнении.

Я взглянула на часы и потянулась за мобильным, очень надеясь застать Олега на службе. Его супруга меня не жаловала и даже ревновала, оттого мои звонки не приветствовала. Олег не ответил, а я вздохнула, зная не зная, что делать: возвращаться в родную контору или выждать и еще раз по-

звонить. Тут раздался веселый мотивчик, на дисплее высветилось имя, а я удовлетворенно кивнула: Олег.

– Привет, – сказал он. – Звонила?

– Пришло озарение свыше: ты просто жаждешь меня увидеть.

– Да? – насторожился он.

– Значит, не жаждешь. А жаль.

– Вообще-то я ужедвигаю к парковке и особо торопиться домой повода нет. Можно пивка выпить.

– Я весь день мечтала о пиве.

– Ты ж его терпеть не можешь.

– Уже нет. Куда прикажешь явиться?

– Ты на машине?

– Не-а.

– Тогда я тебя заберу.

Закончив разговор, я побрела к троллейбусной остановке дожидаться Олега. Под козырьком можно спрятаться от снега. Головной убор я не ношу принципиально, волосы намокли, за шиворот капало, и вообще хотелось побыстрее оказаться в тепле и уюте, сменив одно кафе на другое. Заправские сыщики из баров не вылезают, если верить художественной литературе.

Олег появился минут через пятнадцать. Возле остановки притормозил новенький джип «Лексус», пассажирская дверь приоткрылась, и я услышала голос бывшего:

– Эффи... – Звал он меня на иностранный манер, и поде-

лать с этим ничего невозможно.

– У тебя новая машина, – сказала я, юркнув в спасительное тепло.

– Купил на прошлой неделе.

– Классная тачка. Поди стоит кучу денег. Значит, как жизнь, можно не спрашивать.

– Ты на что намекаешь? – хмыкнул Олег и поцеловал меня куда-то в переносицу.

– Боже избави, я точно знаю: ты безгрешен.

– Если честно, грешки имеются, но несущественные. А денег на тачку тесть отвалил. Расщедрился. Но уже успел достать, каждый вечер интересуется, как машина. А я каждый вечер его покорнейше благодарю. У тебя как дела? Замуж не собираешься?

– Пока нет.

– И правильно. Подожди маленько, может, я разведусь.

– Лучше не надо.

– Не бойся, шучу, – засмеялся Олег. – А, между прочим, жаль. Верно говорят: первая жена богом дана, все последующие сама знаешь от кого. Моя орет каждый вечер из-за такой ерунды, что потом самой стыдно... может, мне любовницу завести, а?

– Попробуй, но орать она вряд ли перестанет. Опять же, зная твою благоверную...

– Ага. Скандал может закончиться летальным исходом.

Занятая разговором, я не очень-то наблюдала за доро-

гой. Мы въехали на парковку рядом с двухэтажным зданием. Неоновая вывеска над стеклянными дверями читалась бы как «Золотой фазан», гори в ней все буквы. Ниже помельче светилося: «Пивной бар».

– Это достаточно злачное место? – спросила я, не уверенная, что хочу там оказаться, мой бывший – мужик экономный, хоть и ездит теперь на «Лексусе».

– Пиво отличное, это я гарантирую.

Мы вышли из машины, поднялись на три ступени, Олег предупредительно распахнул передо мной дверь. Худшим опасениям не суждено было сбыться. Бар выглядел вполне прилично. За ближайшим столиком из темного дерева сидело человек шесть мужчин в костюмах и ярких галстуках, под рукой каждого мобильный, я насчитала четыре айфона. Бизнесмены на отдыхе. Стайка молодежи, по виду студенты. Дальше бородатые дяди в толстовках, в общем, вполне демократичное заведение, куда скромной девушке зайти не стыдно. Олег оглядывался, выискивая свободный стол. Таковой обнаружился в самом углу, туда мы и направились. К нам тут же подошел официант, мужчина лет двадцати пяти в ярко-красной рубаше и синем фартуке почти до щиколоток. Олег заказал себе пиво и насмешливо взглянул на меня.

– Кофе у вас есть? – спросила я.

– Конечно.

– Ну, выкладывай, чего тебе от меня надо, – заявил бывший, как только официант удалился.

– Соскучилась. Потянуло к родному человеку.

– Ладно врать-то...

Я поскребла в затылке и предложила:

– Могу расстегнуть блузку, бюстгальтера на мне нет.

– Зачем? – опешил бывший.

– Я тут в одной книжке прочитала: хочешь чего-то добиться от человека, сделай ему неожиданное сексуальное предложение. Правда, есть куда более простой способ, а главное, проверенный – подкуп. Но в данном случае вряд ли прокатит. Ты взятки не берешь, о чем я знаю доподлинно. Мое сексуальное предложение достаточно неожиданное?

– Черт, – покачал головой бывший. – Я уже успел отвыкнуть от твоих шуточек.

– А я не шучу. Ну, так расстегнуть или нет?

– Лучше не надо. Так и быть, помогу безвозмездно.

– Ты благородный человек. Тогда переходим к делу. Меня интересует убийство Ирины Одинцовой.

– И что в нем такого? – хмыкнул Олег.

– Хороший вопрос.

– На кой черт оно тебе сдалось?

– Сегодня к нам в контору заглянул муж убитой.

– Вона как... решил, что ему адвокат понадобился?

– А ты как считаешь?

Олег пожал плечами:

– Дело мутное. Он теперь ваш клиент?

– Вроде того.

– Вроде того... – передразнил бывший. – Объясни толком. Я, как могла, объяснила.

– Парень беспокоится, что, выпустив на волю единственного подозреваемого, вы ополчитесь на него. Агатка, прежде чем дать согласие представлять его интересы, отправила меня разведать обстановку.

– Разумно.

– К тому же мы были немного знакомы с его женой.

– Неудивительно. У тебя полгорода в знакомых.

Нам принесли заказ, Олег выпил пиво и заметно подобрел, по крайней мере, испытывать мое терпение не стал и на призыв по возможности доходчиво растолковать, что Одинцову в ближайшее время стоит ждать от жизни, охотно заговорил:

– Я же тебе сказал: дело мутное. Послушать муженька – так жили они душа в душу, врагов не имели. Версия напрашивается сама собой: ограбление. В этом коттеджном поселке люди живут небедные. Допустим, грабитель не ожидал встретиться с хозяйкой и запсиховал. Но одиннадцать ножевых ран – это все-таки слишком. Плюс располосованное лицо. Больше походит на месть.

– Женщина сопротивлялась?

– Похоже, что нет. Предположительно все выглядело так: убийца вошел и неожиданно для нее нанес удар, после которого сопротивляться она уже не могла. И он в свое удовольствие резал ее на куски. Это в правилах грабителей? К тому

же, по словам Одинцова, ничего похищено не было.

– Может, убийца просто не успел обыскать дом? Одинцов последний раз звонил в одиннадцать двадцать пять, а в двенадцать ноль-ноль был дома. Убийство произошло в этот промежуток. Убийца услышал, как подъехала машина, и убежал.

– Звонок действительно имел место, мы проверяли. А все остальное...

– Что там за история с дворником?

Олег вновь чертыхнулся сквозь зубы.

– Журналиги нам уже всю плешь проели с этим таджиком. Дошло до того, что обвинили в расизме.

– Надо же им что-то писать...

– Короче, дворник жил в поселке, у него комната в административном здании. Там сидят охранники, рядом кабинет начальника ТСЖ и бухгалтера. На работу его взяли за три месяца до убийства. Парень двадцати двух лет, приехал в Россию недавно, по-русски почти не говорит. Никаких проблем с начальством, а тем более с жителями у него не было. Но соседи замечали, что он часто болтается возле дома Одинцовых. В то утро его тоже видели. Узнав об убийстве, соседи тут же об этом сообщили. Ко всему прочему, в нескольких метрах от забора нашли его куртку, заваленную сучьями: куртка вся в крови. Экспертиза показала – это кровь убитой. На вопросы он отвечал невразумительно.

– А переводчика пригласить не потрудились?

– Потрудились, – нахмурился Олег. – Мужиков тоже понять надо: женщину буквально на куски разрезали, молодую, красивую, и все вроде указывало на этого таджика.

– Рискну предположить: ему здорово навалили, и признание он с перепугу подписал?

– Потом заявил, не знал, что подписывает. Утром появился его брат с адвокатом. Брат в России уже семь лет, работает у Климовой шофером. Слышала о такой?

– Нет.

– Повезло. Есть в нашем городе бизнесвумен, ничего особенного собой не представляет, но скандалистка страшная. И со связями. Бабе за пятьдесят, ни детей, ни мужа, то есть муж был, но уже давным-давно сбежал. И шофер, по слухам, не только шофер, но и постельничий. Начал сюда родню потихоньку перетаскивать, но Климова их в своем доме видеть не желала, вот и распихивала по разным углам. Место дворника в коттеджном поселке, считай, золотое: зарплата вполне приличная плюс комната. Узнав об аресте брата, ее возлюбленный бросился на помощь, а она тут же развила бурную деятельность.

– И что смог рассказать подозреваемый, когда ему предложили такую возможность?

– «Очень красивый женщин», вот что, – хмыкнул Олег. – Оказывается, Одинцова любила отдыхать в своем зимнем саду, а дворник на нее любовался. Возле веранды отпечатков его обуви было предостаточно, но в доме – ничего.

– Он топтался возле веранды, а она этого не заметила?

– Женщина в тот момент, по его словам, находилась в комнате, но шторы были раздвинуты.

– И он за ней подглядывал?

– Именно так. Прискорбное поведение, но за это не сажаят. Потом она вышла на веранду, где у них зимний сад, и ему пришлось убраться. На момент убийства у него есть алиби.

– А куртка?

– Утверждает, что куртку потерял за неделю до этого. От трудов вспотел, повесил ее на заборе, а когда вернулся, ее там не оказалось.

– У тебя не создается впечатление, что некто дворника подставлял и курткой с этой целью запасася заранее?

– Создается. А кому проще всего куртку позаимствовать? Жителю поселка.

– Или человеку со стороны, который, задумав убийство, вел за поселком наблюдение.

– Короче, таджика мы выпустили, а новым подозреваемым пока не обзавелись.

– Выходит, либо чья-то месть, либо все-таки ограбление.

Олег огляделся и заговорил тише:

– Возле забора со стороны леса нашли тряпку со следами эфира.

– Убийца рассчитывал усыпить жертву? – нахмурилась я.

– Но почему-то передумал. Кстати, еще одно косвенное доказательство в пользу невиновности дворника. Где он мог

раздобыть эфир? Парень сидит в поселке безвылазно, а вот у Одинцова в мастерской всякой химии пруд пруди.

– А если тряпка не имеет отношения к убийству?

– Не смейся.

– Довольно глупо ее выбрасывать. Это ведь след. Убийца ее потерял, когда лез через забор?

– Через забор лезть не надо, как раз за их домом калитка. Замок магнитный, ключи, заметь, есть у всех жителей поселка.

– Но и постороннему его открыть не проблема.

– Допустим. Если жертва не пыталась оказать сопротивления, следовательно, увидев убийцу, не испугалась.

– А это значит, он, скорее всего, был ей знаком, – кивнула я. – И ее не удивило, что муж, а ты намекаешь, будто это был он, появился через дверь на веранде, а не как нормальные люди, через входную дверь?

– А почему это должно удивлять? Прогулялся человек по своему участку... Кстати, зря ты решила, что главный подозреваемый теперь Одинцов. На веранде нашли отчетливый след мужского ботинка сорок третьего размера. У Одинцова сорок первый.

– Значит, был кто-то третий? – насторожилась я.

– Без сомнения. И не только возле дома, но и в комнате женщины. Отпечатки пальцев на журнальном столе и подлокотнике дивана. Вполне отчетливые, свежие.

– Логично предположить, что это отпечатки убийцы, –

сказала я.

– Логично предположить, что убийца позаботился бы их уничтожить.

– К счастью, не все такие умные, не то всяков у вас оказалось бы куда больше...

– Накануне у Одинцова были гости, и отпечатков в доме мы нашли предостаточно.

– Значит, убийца действовал спонтанно, а убрать за собой не успел, потому как явился Одинцов. Если вы рассматриваете версию, что некто третий – любовник Ирины, и Одинцов, вернувшийся не вовремя, их застукал, там должны быть два трупа.

– А что любовнику мешало вовремя смыться, раз Одинцов звонил перед своим появлением?

– Узнав об убийстве, он бы пришел в полицию.

– А это уж по обстоятельствам. Предположим, он женат и не хочет неприятностей. Подружку уже похоронили, ей не поможешь, а о себе, любимом, стоит подумать.

– Тогда он просто сволочь.

– Что тоже не редкость. Однако опрос знакомых дал нулевой результат. Их послушать: убитая была сама добродетель.

– А ты в этом сомневаешься?

– С какой стати? И засадить Одинцова не тороплюсь. Наше дело убийцу искать, кто бы он ни был. Говорю, дело мутное, имеющиеся у нас факты можно трактовать по-разному. Возьмем Одинцова: он является домой, видит труп же-

ны и только через двадцать пять минут звонит в «Скорую». Чем он занят все это время? По его словам, свалился в обморок, потом ползал возле жены в умопомрачении. Определить с точностью, когда произошло убийство, невозможно, это только в кино бывает. Вне всякого сомнения, женщину убили за несколько минут до его появления или все-таки уже после? Орудие преступления не найдено, хотя все тщательно осмотрели. Но у Одинцова было время от ножа избавиться. Однако, как он это проделал, я представить затрудняюсь. Приехавшая «Скорая» обнаружила его рядом с трупом, Одинцов был весь в крови. Выпачкался, рыдая над женой, или это произошло в момент убийства? Вот так примерно обстоят дела. Фифти-фифти. И то, что он к сестрице твоей побежал, тоже можно расценить двояко. Запахло жареным, вот и решил заблаговременно позаботиться об адвокате или невинный человек опасается следственной ошибки и рассчитывает на помощь? Поди разберись. Но мы, конечно, разберемся, можешь не сомневаться.

– Значит, либо муж, либо гость, оставивший отпечатки. Кем он может быть?

– Вот тут пока полный голяк. Образцовая пара, никаких порочащих связей. Врагов тоже никаких. Бизнес у него прибыльный, но не настолько, чтобы кто-то на него позарился.

– Одинцов увел из-под носа выгодный заказ у типа по фамилии Миронов.

– Знаю. К Миронову присмотримся, но пока нет причин

его подозревать. Мужик нормальный, Одинцову искренне сочувствует, а к потере заказа отнесся философски, никто из окружения не слышал никаких угроз, матюгнулся человек пару раз, что вполне естественно.

– Есть еще Потапов, к примеру.

– Есть, но это вообще смешно.

– Мне – нет.

– Не волнуйся, ему мы тоже уделим внимание.

– Значит, единственная зацепка – отпечаток ботинка и пальчики в комнате Ирины. А пустить собаку по следу не пытались?

– Умников развелось, – фыркнул бывший. – Ты наш народ знаешь? Увидели «Скорую» – проявили любопытство. К тому моменту, когда приехала следственная бригада, вокруг дома уже толпа стояла, затоптали все, что могли. Хорошо, хоть на участок не сунулись. И все дружно предлагали линчевать дворника... Вести туда собаку – значит напрасно беспокоить животное. А теперь давай поговорим о чем-нибудь приятном, – улыбнулся Олег. – Убийства мне и на работе надоели, чего ж о них за пивом говорить.

– Можешь рассказать о своей семейной жизни, – мило-стиво предложила я.

– Нашла приятную тему, – скривился бывший, взглянул на часы и пригорюнился: – Время за пивом летит незаметно. Пора домой, а то благоверная начнет звонить. Куда тебя подбросить?

– Я сама доберусь...

Из бара мы вышли вместе, поразмышляв, я все-таки решила принять щедрое предложение Олега и загрузилась в его машину. Снегопад закончился, но температура опять плюсовая и на тротуаре невообразимая каша, при одном виде которой мысли о прогулке мгновенно испарились.

– Домой? – спросил Олег, заводя машину.

Я прикинула, где бы хотела оказаться. В удручающе малюсеньком списке моя квартира не значилась. С подругами следует встречаться в ином расположении духа. Остается сестрица. Уже довольно поздно, но Агатка, скорее всего, еще на работе.

– Отвези в контору.

– Дурное влияние сестры, – усмехнулся Олег. – Не успеешь оглянуться, как превратишься в трудоголика.

– Агатке с детства твердили, что труд сделал из обезьяны человека, она и поверила. Теперь считает, что противоположное утверждение тоже верно: не будешь работать и превратишься в обезьяну. Хотя я не против побыть мартышкой.

– Только не в нашем климате, – хохотнул Олег.

– Это точно...

Окна Агаткиного кабинета призывно светились.

– Похвальное трудолюбие, – заметил Олег. – Передай привет.

– Обязательно.

Мы братски расцеловались, и я вышла из машины. Не

успел бывший отъехать, как свет в окнах сестрицы погас, и вскоре она показалась в дверях. Увидев меня, Агатка нахмурилась.

– Чего торчишь под дверью и добрых людей пугаешь...

– Борюсь с искушением: долг требует вернуться к работе, здравый смысл советует смыться.

– Здравый смысл к тебе отношения не имеет.

Мы потопали к парковке, где стояла машина сестры.

– Только не вздумай рассказывать мне о своих достижениях, – предупредила она, устраиваясь в водительском кресле. – От своих проблем башка раскалывается.

– Нет никаких достижений. Бывший считает, Одинцов вполне мог убить жену.

– Ну, умом-то твой бывший никогда не блистал, не то бы на тебе не женился. Однако, по статистике, женщин чаще всего убивают мужья. Или любовники.

– Не похож он на убийцу, – со вздохом сказала я.

– Значит, собери доказательства его невиновности. – Тут Агатка посмотрела на меня и улыбнулась. – Физиономия у тебя хоть и скучная, но вполне человечья. Беготня пошла на пользу.

Ее слова окончательно убедили в том, что сестрица, мило-стиво разрешив мне бегать по городу, затеяла избавить меня от мук любви и, как следствие, затянувшейся депрессии. Большое ей за это спасибо.

– А ты чем хандру лечишь? – не без ехидства спросила я.

– Работой. Тебе такое слово незнакомо.

Я пригорюнилась и отвернулась к окну. «Сестрица у меня молодец. Решила плюнуть и забыть – так и сделала. А мои стойкость и выдержка, где загуляли? Такой пример перед глазами... Ничего, с силами соберемся и покажем, что мы тоже не из пластилина. Жила я без Стаса столько лет и еще проживу. Куда ж деваться? Смотри как заговорила. Это пока Агатка рядом, ты хорохоришься. Героиня, мать твою... Хоть сейчас на баррикады. В одной руке знамя, в другой ружье... Надо поинтересоваться у Одинцова: оружие, случайно, в доме было? Неужели он жену убил...»

– Останешься у меня ночевать? – спросила Агатка.

– А надо?

Она пожала плечами.

– За тобой все-таки лучше приглядывать.

Ясно, значит, по ночам ей тоже неудобно.

– Дашь займы пижаму?

– И пижаму, и тапочки, – ответила сестрица и опять улыбнулась.

Квартира у Агатки большая, при желании можно приютить десяток гостей. Я бы могла лечь на диване в кабинете, но, получив пижаму, устроилась в ее постели. Сестрица не возражала. Легла рядом, закинула руки за голову и уставилась в потолок. В темноте видеть ее лицо я не могла, но доподлинно знала: хмурится сестрица. Если брови не насу-

пишь и челюсть как следует не стиснешь, непременно разре-
вешься.

– Эй, – позвала я с внезапной робостью. Она поверну-
лась. – Знаешь, чего я боюсь: вдруг мама права? Мы закон-
чим жизнь одинокими старушенциями.

– Мы можем завести пуделя, одного на двоих.

– Остроумно.

– Если бы ты всерьез хотела, давно бы вышла замуж.

– Точно, – хмыкнула Агатка. – Проблема в том, что замуж
я хочу за конкретного человека, а он далек от мысли на мне
жениться.

– Может, передумает.

– Может. Со своими проблемами я как-нибудь справлюсь.
Меня куда больше волнуют твои.

– У меня нет проблем. Кончились.

– Как же. Свистнет твой Стас, и ты опять к нему побе-
жишь. Побежишь?

– Он не свистнет, и я никуда бежать не собираюсь. Я во-
обще решила замуж выйти. Правда, пока не знаю за кого.
Но надеюсь, на днях подвернется что-нибудь подходящее. А
там, глядишь, и тебя пристрою. Так что пудель нам не пона-
добится.

– Балда, – смеясь, сказала Агатка, обнимая меня, а я
немного повозилась, устраиваясь поудобнее, и закрыла гла-
за.

Утром Агатка плескалась в ванной, а я готовила завтрак. Когда она появилась в кухне, стол был накрыт. Запах кофе витал в воздухе, вилки лежали на цветастых салфеточках. Окинув взглядом плоды моих трудов, Агатка усмехнулась.

– Судя по всему, на работе я тебя сегодня не увижу, – сказала она, плюхаясь на стул.

– Отчего же? Хотя направление твоих мыслей мне нравится. Я кое с кем планировала встретиться. Хочешь, расскажу?

– Не хочу. Шерлок Холмс у нас сегодня ты, а я на роль Ватсона не гожусь. Он глуповат, а у меня ума палата. Так что обходишь как знаешь.

– И на том спасибо, сестрица. Может, все-таки звякнешь мадам Савельевой, чтоб она встретила меня с распростертыми объятиями? А еще было бы здорово узнать местонахождение дворника...

– Может, ты тогда до обеда подремлешь, а я побегаю? Делать-то мне все равно нечего...

Агатка не только позвонила Савельевой, но была так любезна, что лично доставила меня к салону красоты.

– Дерзай, – буркнула мне на прощание, и я потопала к стеклянным дверям, гордо вскинув голову, чтобы видела сестрица: я бреду сквозь ненастья этой жизни, не теряя бодрого мужества.

Сбоку висела скромная вывеска «Салон «Афродита». Работу здесь начинали в девять, я прибыла как раз к открытию и очень надеялась, что хозяйка уже здесь. За стойкой блон-

динка лет двадцати пяти что-то терпеливо объясняла даме в мехах.

– Здравствуйте, – сказала я громко, пытаюсь привлечь к себе внимание.

– Одну минуточку, – кивнула мне блондинка. Тут из боковой двери показалась сама хозяйка Римма Савельева.

– Фенечка, – заголосила радостно, не иначе как рассчитывала на клиентку. Зря. Впрочем, не худо бы заглянуть к косметологу, говорят, это не только благотворно сказывается на внешности, но и способствует оптимистическому отношению к жизни. – Агата предупредила, что ты придешь. – Она окинула меня цепким взглядом и затараторила: – Мастера у нас прекрасные, Оля и стрижет, и красит великолепно, она как раз свободна. Процедуры по телу тоже можно сделать прямо сейчас. К косметологу придется записываться. Они у нас нарасхват.

Она еще минут пять расписывала достоинства своих мастеров, а я с тоской подумала: наверное, выгляжу хуже не бывает, если, по мнению Римки, все они мне срочно понадобились. Сестрица тоже хороша, могла бы сообщить, зачем я сюда пожалую...

– Отлично, – кивнула я, когда мне в руки сунули пухлую папку с перечнем всех возможных процедур. – Агатка не сказала, по какой нужде я здесь? – Римма похлопала ресницами, пытаюсь отгадать, что еще способна для меня сделать, я вздохнула и продолжила: – Собственно, я пришла задать па-

ру вопросов. Касаются они Одинцовых. Ты ведь дружила с Ириной?

Растерянности в Риммином лице прибавилось.

– Дружила... – кивнула она. – А в чем дело?

– Одинцов теперь наш клиент, – соврала я, впрочем, совсем уж откровенным враньем это не было. – Вот Агатка и отправила меня задать тебе вопросы. – Сестрицу я приплела, чтобы придать себе значимости. Все Агаткины знакомые ее малость побаивались, и портить с ней отношения Римма точно не рискнет.

– Идем в мой кабинет, – кивнула она и летящей походкой отправилась по коридору, я едва за ней успевала.

Кабинет оказался совсем крохотным, стол, два кресла, стеллаж с папками. Римма устроилась за столом, убрала с лица прядь волос и уставилась на меня. Чувствовалась в ней нервозность. Я сняла пальто, бросила его на спинку кресла, давая понять, что отделаться от меня за пять минут не получится, села и улыбнулась.

– Ты давно Одинцовых знаешь?

– Его лет семь, Ирину с того момента, как они начали встречаться. Мой тогдашний гражданский муж, чтоб его черти слопали, с Генкой дружил, ну, он к нам и захаживал. Потом муженек мой свалил в Германию за лучшей жизнью и вскоре потерялся. Обещал меня к себе забрать, как только устроится. Видать, еще не устроился, всего-то три года прошло, ждем-с. Не столько его, сколько двенадцать тысяч

евро, которые он прихватил, чтоб новую жизнь начать. Но на наши отношения с Генкой бегство супружника никак не повлияло. Он, кстати, и от него прячется, может, думает, я внезапно нагряну, его адрес разузнав. Очень надо. Денег-то, конечно, жалко, а этого козла нисколько. Одинцов – добрая душа, пытался его отыскать, когда в Германию ездил, общих знакомых обзванивал...

Сообразив, что о бывшем Римка способна говорить бесконечно, я поспешила прервать словесный поток:

– Значит, ты неплохо их знаешь? И Одинцова, и его жену?

– Само собой. Я к ним на дачу ездила, почти каждый выходной, пока они ее не продали. Деньги на дом собирали, вот и пришлось продать. Да и зачем им дача, если дом, считай, в лесу. И так встречаемся часто: праздники, дни рождения. Накануне, ну, перед тем, как все случилось, мы у них в гостях были.

– Мы – это кто?

– Я, бойфренд мой, Костя Шмелев с женой и Ступкин. Этот без жены был, она к матери с дочкой уехала, еще Генкин брат, Витька.

– По какому поводу собирались?

– Да без повода. Ира у меня обслуживалась за неделю до этого. Слово за слово, она и говорит: приходите в гости. Посидим, выпьем... Она хлебосольной была, компании любила, но уже который год дома сидела, общения ей малость не хватало.

– Одинцов не хотел, чтобы она работала?

Римма пожала плечами:

– Ничего подобного не слышала. Ирина библиотекарь по образованию, зарплата – одно название, не работа, а благотворительность.

– Но ведь можно было другую работу найти.

– Наверное. Но если не искала, значит, все их вполне устраивало. Они вообще жили душа в душу, я тебе так скажу: если б Ира чего захотела, Генка возражать бы не стал. Он на нее только что не молился.

– А она?

– И она его любила. Я, признаться, глядя на них, по-хорошему завидовала. И не я одна. Отличные ребята, любят друг друга, всегда вместе. Раньше Одинцов с моим раз в неделю в баню отправлялся, считай, каждый выходной на рыбалку, во вторник – пиво в «Бюргере», в пятницу – водка, могли загулять до субботы и воскресенье прихватить. Вот скажи, чего моему козлу не жилось?

– Так ведь козел, – пожала я плечами.

– Это точно, – вздохнула Римма. – Короче, как только Одинцов женился, все эти тихие мужские радости сразу побоку, мой-то еще злился, все подкалывал: подкаблучник, за юбку бабы держишься. Они и отдыхать вдвоем ездили, без всяких там друзей, шумных компаний, устраивали себе медовой месяц. Даже брата Генка не брал, хотя обычно везде с собой таскает...

– Брат у него инвалид?

– Ну, ходит, слава богу, на своих ногах, и с головой вроде порядок. У него с детства какое-то нервное заболевание, начинает задыхаться ни с того ни с сего, аж до обморока. А наши врачи, известное дело, вместо того чтоб до причин докопаться, сбагрили парня на инвалидность, и все дела. Генка к кому только ни обращался, он ведь младшему вместо отца, мать у них погибла, когда Витьке лет четырнадцать было. Само собой, на больного мальчишку это не лучшим образом подействовало. Зато руки у него золотые, что угодно починит. Тем и живет. Со здоровьем у него последнее время вроде бы наладилось. Но сверстников он сторонится и вообще... нелюдимый, одним словом, хотя с нами ведет себя совершенно нормально. Привык, наверное. Ирина его очень жалела, она деваха добрая. Жил Витька отдельно, после свадьбы молодые квартиру снимали, чтоб его не стеснять, ну и самим вольготно себя чувствовать.

– У Одинцовых не было детей. Какие-то проблемы? – вновь спросила я.

– Вряд ли. Жили ребята для себя. Может, попозже созрели бы, родили. Ира, она ведь за Генкой ходила, точно он малое дитя. Геночке надо то, Геночке надо се... Каждый день по три салата настругает, напечет, наварит, рубахи нагладит. Другие бабы от домашней работы стонут, а ей все в радость. Она такая... семейная, оттого и на работу не шла.

– Ирина ведь красавица, кто-нибудь из друзей мужа на нее

заглядывался?

– Если только мой, он на всех заглядывался. Это я бывшего имею в виду. А остальные – нет. Во-первых, мужики-то все женаты, и с мозгами порядок, то есть приключений на задницу не ищут. Во-вторых, она повода никогда не давала. Другие, знаешь, как начнут языком мести о мужиках и прочем, чаще в шутку, конечно. Но она даже в шутку ничего подобного не говорила. Настоящая любовь бывает только раз в жизни – вот так. Это ее слова, не мои. А если уж девки очень язык распускают, встанет и тихо смоемся, не выносила подобных разговоров. Вот скажи: где в жизни справедливость? Такая любовь, и в один день ничего не стало. А рядышком живут ни богу свечка, ни черту кочерга... Генку ужас как жалко, он ведь иссох весь, одни глаза остались. Каждый день к ней на кладбище ездит, уж скорей бы год прошел, после годин, говорят, легче.

– А ты не замечала незадолго до убийства в поведении Одинцова чего-то необычного? Может, нервничал, переживал?

– Мы последний месяц практически не виделись, все, знаешь, не получалось. Поэтому Ирина нас в гости и позвала. А до этого вел он себя как обычно. Мужик он не очень разговорчивый, но проблемы скрывать бы не стал. Когда он с Потаповым судился, есть у нас в городе такой придурок, так вот, мы были в курсе всех событий. Не то чтобы Генка болтал об этом всем кому ни попадя, но нам рассказывал.

– Ты знакома с подругой Иры, Верой Семеновой?

– С Веркой? Знакома. Баба с прибабахом, но веселая. На свадьбе у них свидетелем была. Она где-то в районе живет, виделись в основном в Ирин день рождения.

– Что значит – с прибабахом? – спросила я.

– Шило у нее в одном месте торчит, и идеи появляются одна другой гениальнее. То ателье откроет, то прачечную. То пойдет итальянский учить. Спроси, зачем? Такое погонит... Секонд-хендом торговала... Потом салон красоты открыла. Звонила мне, консультировалась. В общем, сто дел сразу, и ни одного до конца не доведет. В личной жизни тоже полный звездац. На похоронах сказала, что маникюрщицей работает. Я даже вопросов задавать не стала: это в ее духе, из одной крайности в другую – то бизнес-леди, теперь вот маникюр. Надеюсь, итальянский ей очень пригодился.

– С Ирой у них какие были отношения?

– Да если б я не знала, что подруги, подумала – сестры.

– У Веры жизнь – полосатая тельняшка, у Иры – безоблачное счастье...

– Не-е-ет, – протянула Римма. – Незаметно было, чтоб одна другой завидовала. Верка хоть и без царя в голове, но веселая, а потом, у нее настрой всегда оптимистичный: завтра все будет супер. Между прочим, правильно. Я вот тут книжку прочитала... – Минут десять Римма пересказывала мне содержание книжки: очередная брошюра по позитивной психологии, я в нужных местах согласно кивала и пыталась

решить, какой еще вопрос следует задать. Все вроде бы ясно: они любили друг друга, но умереть в один день им не пришлось. Может, зря я копаюсь в чужом белье и Иру действительно убил грабитель, которого спугнул Одинцов? Взял грех на душу и ничем не поживился. Представляю, какие муки испытывает несчастный муж: приди он на пятнадцать минут раньше – и смог бы Ирину спасти. – Вот так, – закончила свой рассказ Римма и посмотрела на меня с сомнением, уж очень отстраненный вид у меня был. – А подстричься тебе все-таки надо, – добавила она.

– Да? Надо, так стриги, – сказала я, поднимаясь.

Внезапное решение объяснялось просто: я считала совершенно справедливым оставить здесь малую толику тех денег, что платит мне Агатка (неизвестно за что, не преминула бы она добавить), к тому же новую жизнь логично начать со стрижки, а жизнь я начинаю новую, раз недавно поклялась покончить со старой – смотреть в будущее с оптимизмом, ставить цели и их достигать. А также читать соответствующую литературу для поддержания бодрости и упорства. Опять же нехудо поразмышлять, куда двинуться в своем расследовании, в парикмахерском кресле это куда приятней, чем на улице, где серость и жижа под ногами.

Через два часа я покинула салон с новой стрижкой, убедив себя, что выгляжу теперь намного привлекательней и к новой жизни готова. А вот с гениальными идеями было туго, ни одной в голову так и не пришло. По-прежнему никакой

зацепки: где, прикажете, искать грабителя-психа. Собственное бессилие здорово злило, но злилась я, как это обычно бывает, не столько на себя, сколько на Одинцова, втравившего меня в данное дело (теперь это представлялось именно так), и Агатку, которая спихнула на меня расследование. Судя по отсутствию с ее стороны всякого интереса, она отравила меня бегать по городу с единственной целью: занять хоть чем-то мой беспокойный ум, абсолютно не надеясь, что из этого выйдет что-то путное. И, конечно, была права. Выходит, я без сестрицы ни на что не способна. Ноль без палочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.